

НИКОЛАЙ ЛЕДИНСКИЙ

АМУЛЕТ 1

18+

Николай Лединский

Амулет. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69849331

SelfPub; 2024

Аннотация

Два главных героя романа – Григорий и Стас – до поры до времени вовсе не знавшие друг друга, волею судеб оказываются причастны к одной и той же загадке, к странной истории амулета «Тайна вселенной». Читателю становится ясно, что в охоту за амулетом, судя по всему, вмешивается еще некая третья сила, но кто и почему это делает, разгадать как героям романа, так и его читателям оказывается не так-то просто. Амулет, способный влиять на судьбу человечества, в свое время был разделен верховными вождями народа майя на несколько частей, и теперь именно Григорию Ачамахесу надлежит отыскать и собрать воедино фрагменты «Тайны вселенной».

Содержание

Глава первая. Григорий	5
Глава вторая. Стас.	44
Глава третья. Григорий.	75
Глава четвертая. Дикий.	86
Глава пятая. Стас.	94
Глава шестая. Григорий.	136
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Николай Лединский

Амулет. Книга 1

Не кради

(Библия, Исход, глава 20, стих 15).

Глава первая. Григорий

Что за наказание – утро рабочего дня! Классическая «сова», я с детства основательно и прочно возненавидел необходимость подниматься с кровати ни свет, ни заря, и до сих пор каждый раз воспринимал свой подъем на работу, как подвиг. Можно сказать, что первая часть дня была для меня самой сложной – все, что предстояло сделать после, было лишь детскими игрушками по сравнению с кошмаром, который приходилось ежедневно переживать по утрам.

И сегодня началось все, как обычно, с визжащего, впивающегося в мозг, звонка будильника. И чей извращенный разум сподобился изобрести это утонченное орудие пытки? Проснувшись, я с ненавистью уставился на иезуитское приспособление, превозмогая искушение прихлопнуть его и вновь погрузиться в сладкую утреннюю дремоту. И все же усилием воли я заставил себя откинуть одеяло и, съжившись от охватившего меня озноба, направил свои стопы в душ. После душа, который, вопреки уверениям вечно бодрящихся любителей ранних пробуждений, вовсе не привел меня в чувство, побрел на кухню, сварил кофе, автоматически позавтракал, механически оделся и, словно сомнамбула, движимая некой неведомой силой, покинул квартиру.

За первым испытанием, успешно, хоть и с неохотой, мной преодоленным, следовало второе – извечное проклятие ко-

гда-то советских, а теперь российских трудящихся граждан – дорога к месту службы. Подошедший к заполненной остановке троллейбус подтвердил мои самые худшие ожидания. Как обычно, он был переполнен до отказа, и толпа бедолаг на остановке, в числе которых был и я, втискивалась в его несчастный металлический корпус, отвоевывая буквально каждый свободный сантиметр у счастливых, занявших места раньше. Когда молчаливая, угрюмо сопящая и пыхтящая толпа, наконец, с трудом утрамбовалась в троллейбусе и водитель произнес свое обычное (с моей точки зрения, издевательское): «Не держите двери! Не задерживайте отправление!», чудо-транспорт все-таки тронулся с места, скрипнув проржавевшими осями и выплюнув парочку неудачников, на этих самых дверях висевших, тяжело вздыхая каждой деталью своего старого, уставшего механизма.

Стоя (если так можно назвать неуверенное балансирование на одной ноге) на подножке, и сдавленный спереди обширной дамой средних лет, а сзади подпираемый крепким мужичонкой со старым «инженерским» портфелем в руках и длинным зонтиком, упирающимся мне под ребра, я чувствовал «единение всех трудящихся», как никогда.

В голову мне приходили безрадостные мысли.

Если ты не принадлежишь к касте избранных – ты обречен ежедневно, ежечасно, на собственной шкуре ощущать, что являешься «вторым сортом». Унизительные препятствия встречают тебя на каждом шагу: начиная от без-

обидной поездки на общественном транспорте (терпи, раз не обзавелся своими «колесами»!), до оформления необходимых любому человеку документов. Жилье, трудоустройство, попытка организовать свое дело – все оплетено паутиной таких казуистических правил и законов, что, пытаясь в них разобраться, неизбежно оказываешься на грани отчаяния...

Тут я получил осязаемый и весьма болезненный укол под ребра зонтиком «инженера», и готов уже был огрызнуться, но вовремя сдержался. Лишь невесело усмехнулся.

Нечего срывать свое настроение на товарищах по несчастью. В том-то и беда наша, что, оказавшись в этих стесненных, унижительных обстоятельствах, мы не пытаемся что-то изменить, уничтожить причину наших бед, а накидываемся на того, кто рядом – такого же несчастного и забитого. Униженное существование, постоянный стресс, который мы испытываем, преодолевая каждый день сотни препятствий, порождают в нас неосознанную агрессию. Лишь наедине с собой мы становимся нормальными, разумными людьми. Но, стоит нам вступить во взаимодействие с раздраженным, агрессивным обществом – мы немедленно уподобляемся ему.

За подобными невеселыми размышлениями, которым я имел обыкновение предаваться по утрам, я и не заметил, как добрался, наконец, до своей остановки. Слегка поработав локтями, я выбрался из чрева троллейбуса и оказался на улице. И... неожиданно все мое утреннее раздражение и

недовольство пропало. Как в притче про бедолагу, который жаловался на жизнь до тех пор, пока некий мудрец не предложил ему купить тесные ботинки и проходить в них неделю. Нытик послушно последовал совету и, когда освободился от тесной обуви по прошествии указанного времени, – испытал такое блаженство, что больше никогда не жаловался на жизнь и остаток своих дней провел, испытывая радость от любых, самых простых и доступных вещей.

Так и я. После бесчеловечной толкотни и давки свежий аромат мягкого майского утра показался мне неземным блаженством. Меня радовало решительно все: и то, что начинается рабочий день, и то, что я сегодня проявил недюжинную силу воли, и то, как нежно по-весеннему теплый ветерок перебирает молодую листву. В душе поселилось неясное волнение, женщины на улице казались таинственными и манящими, их мимолетные взгляды – полными томительных обещаний... Все это, конечно же, мешало настроиться на рабочий лад, и мне опять пришлось сделать усилие над собой, чтобы не впасть в лирическую эйфорию и заставить себя ускорить шаг по направлению к офису. Тем более что там, в офисе, меня ожидали беспорядочно сваленные на моем рабочем столе кучи всевозможных бумаг, которые взывали о том, чтобы я принял, наконец, участие в их судьбе. Наша строительная фирма то и дело заключала подряды с самыми разными организациями, и я должен был заниматься юридическим сопровождением сделок. Я давно уже обещал

своему начальнику разобраться с документами, накопившимися за последний квартал, но, поскольку терпеть не могу бумажную работу, под разными предлогами ее откладывал. Как и следовало ожидать, в результате гора необработанных документов на моем столе приобрела угрожающие размеры.

До офиса было уже рукой подать – только преодолеть перекресток. Я торопливо переходил улицу, как вдруг неожиданный сильный толчок в спину заставил меня потерять равновесие, и я полетел прямо в грязную лужу.

«Черт! Мои белые брюки!» – только и успел я подумать, падая и еще не понимая, что произошло.

А вокруг меня уже шумели, суетились, ахали люди. В общем гомоне я расслышал возмущенный вскрик женщины:

– Безобразие! Куда милиция смотрит?! – подхваченный кем-то еще, возглас этот эхом прокатился по толпе, многократно повторенный самыми разными голосами в самых разных вариациях.

Наивные люди! Я прекрасно знал, что милиция всегда смотрит только в одну сторону – и, как правило, не туда, где требуется защищать таких вот трудяг, как мы.

Я осторожно перевернулся на спину, попытался сесть, ощупал гудевшую от удара об асфальт голову, осторожно осмотрел руки-ноги. Вроде никаких особых повреждений. Бездна испорченные брюки, недавно купленные, было нестерпимо жалко. «Да, видок у меня сейчас, наверно еще тот, могу смело соревноваться с бомжами, выпрашивающи-

ми милостыню возле метро, – уныло подумал я. – Что ж... такому неудачнику только с бумагами и возиться. В самом темном углу, желательно!»

Голова все еще гудела. Кто-то склонился надо мной. Морщась от звона в ушах, я взглянул вверх и встретил тревожный, внимательный взгляд склонившегося надо мной пожилого мужчины.

– Молодой человек, как вы себя чувствуете? С вами все нормально? – участливо спрашивал он.

– Да вроде бы еще жив... – уже пытаюсь шутить, сказал я. Больше всего я не люблю, когда меня жалеют.

– А скажите, у вас есть враги? – все с той же серьезной озабоченностью продолжал выпрашивать мужик, склонившийся надо мной.

«Что за нелепый вопрос! – внутренне возмутился я. – И вообще, не смешно ли устраивать что-то вроде допроса сейчас, когда я лежу на асфальте, в луже!

Да и какие враги?! У меня?! С женой я давным-давно развелся, жил один. Никакими особыми привилегиями, которые могли бы вызвать зависть у знакомых, я не обладал. Скромная квартирка, скромный достаток, не бог весть какое служебное положение... Откуда же враги у канцелярской крысы? Ради чего со мной враждовать?»

Заметив мое недоумение, пожилой незнакомец покачал головой, подал руку, помогая подняться. К тому времени любопытные зеваки, убедившись, что самое интересное уже

позади, быстренько испарились. Со мной остался лишь он один.

– Вы уж простите меня... Знаете, у меня такое впечатление... – он замялся, словно подбирая слова, и вдруг решившись, очень уверенно произнес: – Я думаю, что сейчас вас пытались убить!

Меня убить? И с чего это ему в голову пришла такая фантазия? Кому я нужен? Что я – олигарх какой? Только на то и способен, что шуршать бумагами в своем углу. Я усмехнулся.

– Нет, нет, вы не смейтесь, молодой человек! Вы лучше послушайте меня. Я много чего повидал на своем веку и уж как-нибудь могу отличить несчастный случай от попытки убийства. Ручаюсь, это дело рук вашего врага.

На какой-то короткий миг в моей душе шевельнулось нечто, похожее на тщеславие – оказывается, я не такая серая и неприметная личность, какой себя считал! Появление – пусть даже в чьих-то домыслах – моего личного врага странным образом возвысило, увеличило мою значимость в собственных глазах.

«Да брось ты! – тут же одернул я сам себя. – Старик просто детективов начитался. Нет и не может быть у тебя никакого врага, ерунда это все».

Я махнул рукой.

– Какое там убийство! Просто машину толком водить не умеют, а за руль садятся. Знаете, как у нас права выдают! Так

что, можно считать, нас всех кто-то давно пытается убить с помощью необученных водителей.

Я, конечно, отшутился, но в глубине души все же поселилось сомнение. Уж слишком убежден был старик в своей правоте! А со стороны, возможно, ему было виднее... Ведь это именно он, увидев несущуюся на меня машину, вытолкнул меня из-под нее. Фактически – жизнь спас. А я, неблагодарный, даже имени его не спросил. Впрочем, мне было не до того. В результате этого нелепого происшествия я уже опаздывал на работу. Надо было спешить. К тому же я не терплю назойливых людей. Так что я постарался поскорее избавиться от своего спасителя с его странными домыслами.

Если не считать встревоженных расспросов коллег, бесконечных причитаний сотрудниц, предложений немедленно написать заявление в милицию и тому подобной ерунды, день прошел, как обычно. Правда, мне удалось извлечь некоторые бонусы из моего плачевного положения: начальник уже не требовал от меня немедленного отчета по залежавшимся документам; разрешил перенести встречу с занудным клиентом на следующую неделю; наши дамы всячески мне сочувствовали, потчевали пирожками и даже помогли слегка привести в порядок костюм. В остальном – обычная рутина, бесконечные «кофе-таймы», от которых к концу дня раздуваешься, как скат, и пустая болтовня в курилке.

Единственное, что выделяло этот день среди нескончаемой череды ему подобных – странный телефонный звонок:

– Григорий Александрович на месте?

– Да, это я. С кем имею честь?

– Очень рады вас слышать, – и повесили трубку.

Разговор удивил меня, но, списав эту странность на особенности телефонной связи, то и дело норовящей прерваться на самом важном моменте беседы, я не стал дольше о нем размышлять, и, обнаружив, что рабочий день подошел к концу, принялся с энтузиазмом собираться домой.

Несмотря на все усилия сердобольных сотрудниц привести мой костюм в божеский вид, я производил на окружающих отталкивающее впечатление, – в грязных порванных штанах, со свежими ссадинами на лице, – и поэтому, добравшись до дома, я даже не сделал попытки войти в лифт вместе с милой женщиной, которая смотрела на меня круглыми, слегка испуганными глазами и явно готова была шархнуть прочь. Наверное, на ее месте я тоже поостерегся бы заходить в лифт с такой сомнительной личностью.

Избавив женщину от необходимости входить в лифт вместе со мной, я стал пешком подниматься по лестнице.

Живу я в старом доме с архаичной, редко встречающейся теперь, конструкцией лифта. Правда, дом все-таки старше: он построен еще до революции, а лифт установили значительно позже, во время капитального ремонта. Так и получилось, что лифт оказался в самом центре широкого лестничного пролета. Дверцы в нем не открываются автоматически, а захлопываются с лязгом и грохотом. Лифтовая шахта

сделана из сетки, которую обвивает лестница, поэтому весь процесс неспешного передвижения этого скрипящего мосто-донта можно наблюдать, поднимаясь наверх пешком.

Я шагал по ступенькам, мечтая наконец-то избавиться от грязного костюма, как вдруг услышал крик, полный смер-тельного ужаса. В следующее мгновение раздался какой-то жуткий, режущий уши скрип, и лифт, словно потеряв по-следние силы, с грохотом сорвался с тросов и полетел вниз с пятого этажа.

Я кубарем бросился по лестнице вниз. На шум выскочили соседи, так что, когда я добежал до нижней площадки, воз-ле сетки, ограждающей лифт от лестницы, уже образовалась небольшая толпа. Из кабины не доносилось ни звука, переко-шенная дверь не открывалась. Люди вокруг суетились: кто-то предлагал попытаться открыть двери своими силами, кто-то побежал за слесарем в жилконтору, чтобы вскрыть иско-реженную коробку, кто-то уже набирал номер скорой помо-щи... И только я, словно загипнотизированный, смотрел, не отрываясь, в черный провал шахты, в безумной надежде, что женщина жива, что чудовищная конструкция, сорвавшись с тросов, все же защитила ее от смертельного удара.

Мои надежды разлетелись, как только подоспевшие сле-сари вскрыли лифт. На то, что оказалось внутри него, невоз-можно было смотреть: от красивой молодой женщины оста-лось лишь кровавое месиво...

Я вдруг весь обмяк, колени противно ослабли, к горлу

подступила неприятная тошнота. Жуткой холодной волной накатило осознание: ведь на ее месте должен был быть я! Это меня хотели скинуть в железной коробке с пятого этажа, превратив в лепешку. И если бы не моя щепетильность, не позволившая пугать несчастную женщину своим нелепым видом...

От этих мыслей меня заколотила нервная дрожь, и я поспешил убраться восвояси, чтобы, наконец, избавиться от всех страшных неожиданностей сегодняшнего дня.

Едва я успел закрыть за собой дверь в квартиру, как раздался телефонный звонок. Тот же незнакомый голос спросил:

– Григорий Александрович?

– Да! – выпалил я, не скрывая раздражения: – Объясните мне, наконец, что вам нужно!

– Очень рады вас слышать, – невозмутимо ответила мне трубка и отключилась...

Я не сумел и минуты поразмыслить над этой странностью, поскольку в мою жизнь, и без того в этот день чересчур бурную, ворвался следующий раздражающий фактор: моя подруга Валентина. Нет, в другое время и при других обстоятельствах я, возможно, был бы даже рад ее появлению, но не сегодня. Не то у меня сейчас было настроение.

Однако Валентина, по своему обыкновению, без телефонного звонка и каких-либо предупреждений, вторглась в мое жилище. Угрюмое выражение моего лица, которое должно

было означать что-то вроде «убирайтесь все, я никого не желаю видеть», нисколько ее не смутило. Напротив, она решила, что, раз я не в духе, то ее задачей является развеселить меня, во что бы то ни стало. И на меня, уставшего и раздраженного, полился целый поток женских сплетен, пересказов чужих шуток, самых разнообразных едких замечаний по поводу ее подруг и прочей словесной шелухи... Слушая весь этот бессистемный бред, я успел лишь подумать, что, вероятно, мужчине и женщине никогда не удастся понять друг друга по одной простой причине: то, что кажется женщине важным и интересным, занимает все ее мысли, для мужчины лишь пустое сотрясение воздуха, круги на воде. Видно, нас создали разные боги, образно выражаясь.

Я не особенно прислушивался к трескотне подруги, заведомо зная, что ничего ценного для меня в ее словах не содержится, пока вдруг не уловил нечто, таившее для меня угрозу. Из вороха слов, которыми она меня осыпала, наконец, выкристаллизовалась конкретная мысль: Валентина настойчиво предлагала мне составить ей компанию, чтобы немедленно отправиться на какой-то светский прием. Видите ли, без кавалера там появляться неприлично, и по этой серьезнейшей причине я просто обязан немедленно одеться во что-нибудь парадно-выходное и тащиться вместе с ней непонятно куда и зачем. Первым моим желанием было тотчас же выставить ее за дверь, но я предпочел подчиниться. Я руководствовался правилом, которое гласит, что в случае, ко-

гда любой из вариантов развития событий является неприятным, выбирать надо меньшее из зол. Сейчас меньшим злом было согласие пойти на этот идиотский банкет, поскольку в противном случае Валентина закатила бы скандал, переходящий в истерику, и одному Богу известно, какое количество подарков, цветов и походов в ресторан мне потребовалось бы впоследствии, чтобы смягчить ее «праведный» гнев и восстановить прежние любовные отношения. Мой отказ был чреват «отлучением от тела» на несколько недель, а на это я пойти никак не мог.

По такому же принципу выбора меньшего из зол я раз и навсегда предпочел браку периодические романы. Бывшая жена сделала все, чтобы отбить у меня любые матримониальные наклонности. Едва мы поженились, я стал с удивлением обнаруживать, что, оказывается, женщина, за которой я ухаживал до свадьбы, и та, с которой я теперь делю кров, совершенно не похожи друг на друга. Ну, просто два разных человека! Сперва это были лишь легкие, едва заметные отличия, которые поначалу можно терпеть, но со временем они затмили все прежние достоинства, и ты уже был не в состоянии понять — как случилось, что нежная, понимающая, влюбленная девушка, превратилась в эту требовательную, недовольную, ворчливую и совершенно незнакомую тебе женщину. Когда эта метаморфоза произошла с моей женой, я счел за лучшее развестись, и с тех пор уверен, что непременным условием женского очарования является дистанция, которая отделяет

меня от нее.

Правда, и в весьма необязательных отношениях иногда приходится играть ту роль, которую тебе навязывают, но случается это не так часто.

Одним словом, я, скрепя сердце, или как предпочитала говорить одна моя знакомая «скрипя сердцем», отправился в ванную «чистить перышки» под аккомпанемент непрекращающихся рассказов Валентины о том, какие чудесные, интересные люди нас пригласили, какие у них головокружительные связи и возможности, какие перспективы открывает знакомство с ними и прочее, прочее, прочее... Наконец, я был готов, и, галантно прихватив Валю под руку, отправился на светский раут.

Странное чувство охватывало меня всякий раз, когда я оказывался на любой из вечеринок, по которым с упорством, достойным лучшего применения, таскала меня моя подружка. С одной стороны, я неизменно погружался вместе с ней в атмосферу праздника, на котором глаза слепило от умопомрачительных нарядов дам, безукоризненно начищенного хрусталя, ломящегося от всевозможных деликатесов стола, но с другой... Праздника не получалось никогда. Все эти натянутые улыбки, вымученные разговоры, незнакомые люди – все навевало непреодолимую тоску, и через некоторое время мне начинало казаться, что весь этот блестящий антураж не более чем декорация, мишура, бутафория. Ни с одним из завсегдатаев этих вечеринок мне никогда не приходилось

встречаться в другой обстановке, и вскоре у меня сформировалось устойчивое впечатление, что все они лишь тем и занимаются, что в полном составе кочуют с одного «приема» на другой, не забывая прихватить с собой фальшь, скуку и лицемерие. И, что самое поразительное, – именно этот свой никчемный замкнутый мирок они гордо именовали «обществом», безмерно кичась причастностью к нему.

Каждый раз, оказываясь в этом «обществе», я ужасно тяготился им. Я чувствовал себя чужим. Мне было крайне тяжело поддерживать пустые разговоры ни о чем, смеяться над бороатыми шутками, но что поделать – по упомянутым выше причинам избежать посещения этих приемов я никак не мог.

Обычно я занимал позицию наблюдателя, не включаясь в разговоры гостей. Вот и сегодня я устроился в глубоком кресле с бокалом вина, предоставив Валентине возможность волю пофлиртовать с ее приятелями и посплетничать с подругами.

«Может быть, я слишком строго оцениваю этих людей? – думал я, наблюдая за гостями и невольно улавливая обрывки их беспечных разговоров. – Каждый, в общем-то, имеет право проводить время так, как ему нравится! Просто этот способ не подходит мне – так и что с того? Значит ли это, что он так уж плох? Вон, англичане могут часами обсуждать нюансы погодных условий на своем острове, и никто их за это не называет пустыми болтунами, а, напротив, они счита-

ются одним из самых серьезных и основательных народов в мире...»

Пришедшее мне в голову сравнение моих соотечественников с чопорными англичанами даже развеселило меня.

«Э, нет!» – тут же возразил я сам себе.

Как сказал бы мой преподаватель социологии в институте: «Ваши аналогии, юноша, в данном случае неуместны!» Англичане беседуют «ни о чем» в силу врожденной сдержанности и определенного этикета, не позволяющего им обсуждать с малознакомыми людьми темы, которые могли бы хоть чем-то задеть или оскорбить визави. Наши же светские львы могут болтать без умолку, нисколько не заботясь о том, интересно ли все это собеседнику и вываливая на него целый ворох информации – начиная от своего материального положения, отношения к тем или иным политическим событиям и заканчивая подробным рассказом о чудовищной ветрянке, которая приключилась с внучатым племянником их троюродного деда в позапрошлом году.

Нет, в советское время, когда каждое необдуманное слово могло стать поводом для визита к вам гостей из КГБ, бесконечные кухонные разговоры о политике и ситуации в стране (частенько под бутылочку) были единственной возможностью свободной интеллектуальной и духовной жизни для человека, уставшего от официальной лжи. Но теперь подобные излияния и пыл, с которым они преподносятся, выглядят пустой болтовней, за которой ничего нет. Легко кричать о сво-

ей не любви к власти, когда власть это позволяет... Смешно быть картонным героем на игрушечной лошадке.

За современной российской болтовней скрывается лишь желание показать себя, выставить в выгодном свете, «поразить эрудицией». Но, как правило, даже это не удастся, поскольку всякий, самозабвенно разглагольствуя, слушает лишь себя, к тому же с каждой выпитой рюмкой все более уподобляясь кривляющейся болтливой обезьяне.

Мои размышления были прерваны Валентиной, которая, подскочив ко мне, сообщила (к моей огромной радости), что нам пора отправляться восвояси: ей завтра рано вставать на работу. Я с готовностью поднялся со своего места, самым любезным образом распрощался с остающимися пировать гостями и, с чувством исполненного долга, предварительно усадив Валентину в такси, отправился домой.

Едва я вошел в свой двор, как раздражение по поводу бессмысленного посещения банкета, владевшее мной, в мгновение ока сменилось искренней благодарностью моей подруге за то, что она вытащила меня из дома. Я обнаружил у подъезда сборище спецмашин: «скорая помощь», милиция, МЧС. В распахнутые задние двери «скорой» молчаливые санитары заносили носилки. Кто-то, накрытый белой казенной простыней, лежал на них. Иррациональный ужас, сродни тому, который я испытал, стоя у искореженного лифта, вновь охватил меня. Едва держась на сразу ослабевших ногах, сделал я шаг вперед, к открытой двери в подъезд.

– Кто вы такой? – преградил мне дорогу милиционер.

– Что значит – кто я такой? Что здесь случилось?! Что вообще происходит?! – словно во сне, спросил я.

– Не нужно так нервничать, гражданин, – лейтенант сердито кашлянул. – Вы, кажется, не поняли. Это вы должны мне ответить: что вам здесь нужно?

Я все еще не мог прийти в себя от потрясения, но официальный тон и предъявленные документы представителя власти привели меня в чувство:

– Я здесь живу, моя фамилия Ачамахес, вот паспорт, прописка... квартира на пятом этаже.

– Повезло-о, – протянул лейтенант, возвращая мне документы. – Как раз на вашем этаже произошла утечка газа. Видимо, кто-то неправильно использовал газовую колонку... – он как-то странно взглянул на меня и добавил сурово: – От взрыва только чудо спасло.

– Кто-то пострадал? – мой вопрос прозвучал нелепо и глупо, ведь я только что своими глазами видел, как медики выносили пострадавшего. Но мне показалось, что, облеченное в сухие слова милицейского ответа, это событие лишится своего страшного смысла. Я еще надеялся, что все не так трагично, как могло показаться.

– Ну, спали же люди, – неожиданно совсем по-простецки ответил лейтенант, но потом приосанился: – Несколько человек получили тяжелые отравления, – тут он доверительно наклонился ко мне поближе и посоветовал: – Я бы и вам не

рекомендовал сегодня ночевать у себя в квартире, мало ли что... Нехорошо у вас в доме. Два выезда за сутки... — он произвел какой-то неопределенный жест рукой в воздухе. — Я, конечно, принял все необходимые меры, но, поверьте моей интуиции: нет никакой гарантии, что завтра вы проснетесь целым и невредимым.

Произнеся эту странную фразу, он отправился к машинам, а я, совершенно обескураженный, поднялся к себе. Проверил замок на двери (слава Богу, цел), прошелся по квартире, перекрыв, от греха подальше, все газовые вентили, и опять вышел на улицу. Побродил по ночным дворам, пытаясь снять напряжение последних событий и, так и не успокоившись, поймал такси, и лишь когда водитель спросил адрес, понял, куда поеду — с неофициальным визитом к обожаемой мамочке на Гражданский проспект.

Вообще-то, я не часто заявляюсь к своей родительнице в два часа ночи. Однако мама, впустив меня, посчитала своим долгом и в такое позднее, не подходящее для визитов и бесед время, прочитать мне поучительную лекцию о том, как подобает вести себя молодому мужчине, а также о том, как благоприятно может повлиять на означенного мужчину женитьба. Я отбивался, как мог... Когда ее нравоучительный пыл поостыл, и я с наслаждением уплетал на кухне сладкий коржик с чаем, меня настигла новая напасть: мама с радостью сообщила мне, что у нее на примете есть замеча-а-ательная девочка (не чета моей бывшей), с которой мне непременно

но нужно познакомиться. Вяло отшучиваясь, я сумел увести маму от крайне волнующей ее темы продолжения рода, поблагодарил за радушный прием и позволил себе выразить желание, наконец, лечь спать.

Мама всегда держала свободной мою старую комнатенку на случай таких вот незапланированных визитов, но на этот раз мне не повезло. Она затеяла ремонт в комнате, и мне пришлось устраиваться в гостиной. Это неожиданное обстоятельство в другой раз, может быть, могло бы меня огорчить, но сейчас я готов был уснуть где угодно и на чем угодно. Главное, что я оказался в безопасности и относительном уединении. Да и разве можно укорять за что-то мать? Как говорится, незваный гость... он и есть незваный гость. Спасибо еще, что впустила в такой поздний час.

Я улегся на диване, укутался в старый плед, предвкушая, как погружусь в сон. Вопреки моим ожиданиям, сон не шел. За окнами гостиной, прикрытыми лишь ажурными прозрачными гардинами, плескалась петербургская белая ночь. Странный сиреневатый свет проникал в комнату, отражаясь в большом старинном трюмо. Ни легкие шорохи молодой листвы за окном, ни тиканье огромных настенных часов, не нарушали магической ночной тишины, придавая ей своеобразную таинственность. Я сладко потянулся, вспоминая, как часто, в детстве, с удовольствием засыпал в этой волшебной тишине, в окружении простых и родных вещей и.... дрема исчезла окончательно. Слишком тревожными и трагически-

ми были события этого суматошного дня, слишком многое в нем пугало меня и заставляло задуматься, чтобы, даже убаюканный спокойствием и тишиной родного дома, я мог уснуть так же безмятежно, как в детстве. Я поднялся с дивана и пошел к окну. Прозрачный сумрак белой ночи манил душу и отрезвлял голову. В такие бессонные ночи всегда хорошо думается, вот и теперь мне с удивительной ясностью предстала картина прошедшего дня. К сожалению, она складывалась явно не в мою пользу. Что мы имеем? Трагические события, следующие друг за другом, в эпицентре которых всякий раз находилась моя персона, и лишь по чистой случайности мне удавалось оказаться вне их губительного воздействия и избежать смертельной опасности. Чуть не сбивший меня безумный водитель, обрушившийся лифт, в котором должен был подниматься я, утечка газа на моем этаже... Каждое из этих событий могло стать для меня последним. Удивительно, как мне вообще удалось остаться сегодня в живых! Если бы я не знал наверняка, что у меня нет и не может быть врагов, желающих моей смерти, я бы решил, что на меня открыта настоящая охота. Но, поскольку это предположение я отверг как фантастическое, оставалось только надеяться, что все это — лишь нелепое стечение обстоятельств, случайность. А если нет?

Никакого мало-мальски толкового ответа на этот вопрос я найти не смог. Было очевидно, что уснуть мне все равно не удастся, поэтому, отвернувшись от окна, я побрел к книж-

ному шкафу, чтобы выудить оттуда хоть что-нибудь, что поможет мне отвлечься от тревожных раздумий.

Массивный, пахнущий старинной древесиной, книжной пылью и каким-то удивительно манящим ароматом тайны отцовский книжный шкаф был для меня самым любимым предметом обстановки в нашей квартире. Открывая его тяжелые стеклянные дверцы, я с трепетом и наслаждением вдыхал особенный, ни с чем не сравнимый запах. В детстве мне казалось, что в этом шкафу скрыты таинственные знания, невероятные приключения и чудеса, изведать которые можно, лишь прочитав все книги, хранящиеся в его чреве. Странное дело – только старые книги обладают способностью излучать подобный магический аромат. Новые, сколько их не нюхай, пахнут лишь типографской краской. Конечно, когда я повзрослел, то ничего особенного за стеклянными дверцами не обнаружил: старые учебники математики, неменные для каждой советской семьи издания Ленина, Маркса, Энгельса, несколько томов Большой Советской Энциклопедии, подписные издания, подшивки любимых семьей журналов за несколько десятилетий и целая когорта семейных альбомов, которые здесь свято хранились. Но, несмотря на разочарование, постигшее тогда меня, трепетное и нежное отношение к старому шкафу я сохранил до сих пор, и ничто не успокаивало меня так, как прикосновение к страницам старых, бережно хранимых книг.

Я провел пальцем по истрепанным пыльным переплетам

томов, присел на корточки и, вытащив с нижней полки стопку семейных альбомов, выбрал один – самый старый, в черном замшевом переплете с затейливыми пластмассовыми украшениями. Мама берегла его всю жизнь, как зеницу ока.

«Странно, почему никогда раньше у меня не возникало желания в него заглянуть?» – подумал я, перебираясь с семейной реликвией на диван.

Устроившись поудобнее, я принялся перелистывать тяжелые страницы. На фотографиях, каждая из которых была заключена в рамку с причудливыми виньетками и сдобрена сентиментальной подписью, были запечатлены мои родственники. Я с интересом разглядывал их сияющие, незнакомые и, вместе с тем, родные лица. Прабабушка, которую я никогда не видел, но которая неуловимо напоминала мне мою собственную мать, в старомодном купальном костюме смеялась на фоне какого-то крымского пейзажа; снова она же – в строгом платье на салонной фотографии; множество портретов подруг, сестер и братьев, друзей семьи с трогательными дарственными надписями – черно-белые фрагменты, осколки иной, давно ушедшей эпохи. Я заворожено всматривался в лица, пока мой взгляд, словно споткнувшись, не остановился на одном из снимков. Ничего необычного, вроде бы, в нем не было: незнакомый мне немолодой мужчина стоял на вершине горы, любуясь красиво отделанным небольшим плоским камнем, который он держал в руках. Далеко внизу, у подножия утеса, на котором он стоял,

простиралась водная гладь. Я никогда не бывал за границей, но интуитивно почувствовал, что снимок сделан не в России. Кроме воды и скал, вокруг не было никого и ничего, и даже старая, пожелтевшая от времени фотография передавала ощущение оглушающей тишины и полного одиночества. Никакой подписи под снимком не было, и я решил, что это один из друзей семьи прислал свое фото, поскольку на других фотографиях я этого человека не видел. И все же что-то смутно беспокоило меня, привлекало внимание, не давало перевернуть страницу. Я тщательнее вгляделся в незнакомца: волосы отброшены назад, длинный, по моде начала двадцатого века, сюртук, клетчатые брюки, открытое лицо, полный счастливого воодушевления, устремленный вдаль взгляд...

Не может быть! Я с каким-то тревожным чувством начал догадываться, что приковало мое внимание к этому снимку: в незнакомом, странном человеке я узнал самого себя. Если немного укоротить мои длинные волосы, то мы с ним становились необыкновенно похожими! Значит, нас с ним должно связывать очень близкое родство – иначе объяснить такое сходство просто невозможно. Тогда кто же это? Почему я никогда не слышал об этом человеке? Почему, кроме этой фотографии, в семейном архиве о нем нет ни одного упоминания? И его странный, совершенно не приспособленный для высокогорной прогулки костюм... И необычный, не похожий на знакомые мне места, пейзаж...

Мне вдруг захотелось немедленно разбудить мать, чтобы

узнать, кто это такой, но, резонно рассудив, что и без того доставил ей сегодня немало хлопот, я решил подождать с расспросами до утра. Однако незнакомец не шел из головы, и я решил еще раз перелистать альбом, на этот раз с единственной целью — отыскать еще хоть какое-нибудь изображение этого человека. Как ни странно, мне удалось-таки найти еще один снимок. На нем заинтересовавший меня человек был запечатлен не один, рядом с ним стояла черноволосая женщина в косынке. Оба они были молоды, счастливо улыбались. Диссонансом казалась лишь ощутимая разница в происхождении, как выражались в старину, «мезальянс», который бросался в глаза: незнакомец, хоть и был одет довольно просто, выглядел очень аристократично, в то время как его спутница явно принадлежала к простой, возможно, даже крестьянской семье.

На этот раз под фотографией все же была подпись, хоть и достаточно скупая, только дата: «1929 год». Я вновь удивился тому, что мать, которая при каждом удобном случае принималась в подробностях описывать перипетии нашей семейной истории, каждому случайному гостю демонстрируя фотографии со свадеб, похорон, крестин и прочих семейных событий, никогда ни словом не обмолвилась об этих людях. Всех остальных родственников на фотографиях я более или менее знал по ее рассказам, кроме этой таинственной пары. Так кто же они такие? И почему мужчина так дьявольски похож на меня?

Размышляя над этой загадкой, я сам не заметил, как провалился в сон. Проснулся я лишь от утренней кухонной суеты, которую устроила мама, поднявшись ни свет, ни заря, чтобы приготовить мне манную кашу. Эта самая каша была моей расплатой за ее гостеприимство. Бесполезно было объяснять маме, что, кроме отвращения, ее блюдо ничего у меня не вызывает, что такие взрослые мужчины, как я, предпочитают на завтрак чашку черного кофе с тостом или яичницу с беконом... Как об стенку горох! Она считала своим материнским долгом «накормить мальчика, как следует» и, давась кашей, я вынужден был выслушивать лекции о том, что сухомытка до добра не доведет, что каша с утра зарядит меня «правильной» энергией на целый день и, конечно же, что хорошая жена позаботилась бы о моем питании, не позволив мне довести себя кусочничеством до гастрита. Конечно, ее забота была очень трогательна, поэтому, чтобы не обидеть мать, я смиренно поглощал мало аппетитную, на мой взгляд, размазню.

Но сегодня утром у меня был шанс отыгаться за принудительный завтрак. Не без некоторого злорадства, отправляя в рот ненавистную кашу, я заметил, как бы между прочим:

– А ты никогда не говорила мне, что один из наших родственников был моей фотографической копией.

Удивление мамы было настолько искренним, что я даже смутился.

– Не понимаю, сынок, о ком ты говоришь?

Пришлось признаваться в своих ночных бдениях и рассказать о странных фотографиях, обнаруженных в семейном альбоме.

Мама задумалась на минуту, словно что-то припоминая и, наконец, ответила:

– А! Ты, наверное, имеешь в виду Гонсалеса. Что ж, раз уж ты проявил такой неожиданный интерес к истории семьи, я расскажу тебе о нем. Это очень давняя история. В нашей семье не любили о ней вспоминать, поэтому тебе о нем ничего не известно. Власти не очень-то жаловали семьи репрессированных, поэтому наша семья предпочитала не говорить о Гонсалесе, чтобы не накликать на свою голову новых бед. Гонсалес – твой родной дед, он родился в Мексике, в довольно состоятельной семье.

От такой неожиданности брови у меня поползли вверх.

– Мой дед – мексиканец?! А как же он... Почему же...

Разумеется, и раньше моя фамилия, непривычная для русского уха, наводила иной раз на размышления. Но по паспорту я был записан русским, и с меня этого было вполне достаточно. Тем более, что в нашей семье никто никогда не заикался о наших заокеанских корнях. Когда же мои бывшие одноклассники или студенты-однокурсники заводили, бывало, разговор о странности моей фамилии, я отвечал им раз и навсегда заготовленной цитатой из «Героя нашего времени»: «Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, ко-

торый был немец».

Но теперь я не мог удержаться от изумления:

– Дед – мексиканец, вот это да! Ну и сюрприз!

– Ты попросил меня рассказать? – остановила мои возгласы мать. – Тогда слушай и, кстати, не забывай про кашу!

Я вздохнул и, поковырявшись в тарелке, решил смириться и не перебивать. А то с нее станется – вообще ничего не расскажет!

– Так вот, – удовлетворенно проследив за тем, как я подношу ложку ко рту, продолжила она. – Семья твоего деда отправила его учиться в престижный европейский университет, где он, на свою беду, начитался популярных тогда среди радикальной молодежи трудов Карла Маркса и увлекся идеями социализма. В то время многие увлекались этим новым учением. Оно казалось выходом из тупика голого чистогана, неравенства, эксплуатации и прочее, прочее, прочее... Да ты и сам все прекрасно знаешь, небось, изучал политэкономии в институте!

Так вот, твой дед проникся радикальными взглядами, уверовал в романтические идеалы «свободы, равенства, братства». Он считал Маркса не просто философом – он боготворил его, называл светлой личностью, свободной от корыстных и честолюбивых помыслов. В силу своей молодости и юношеского максимализма, он свято верил в то, что справедливое коммунистическое общество не только возможно, но и будет, в конечном счете, осуществлено на земле. Что оно

будет торжеством царства Божьего на земле. Торжеством Божественного замысла. Гонсалеса пленила не столько практическая сторона осуществления марксовой теории (о которой он, по сути, и не задумывался), сколько вера в справедливость, романтизм... Неизвестно, как сложилась бы судьба твоего деда, останься он в своей стране, но... К несчастью, как раз на пике своего увлечения коммунизмом, он узнал о происходящих в России переменах. Твой дед воспринимал русскую революцию как благословенные самим Господом перемены к лучшему, как очищение от смердящего греха, как созидание гармонии. Решив, что предводители революции не только проповедуют милые его сердцу идеи, но и сами являются безгрешными апостолами новой веры, он объявил семье, что не может оставаться в стороне от русских событий. Он решил, что участие в создании самого справедливого и гармоничного общества на земле станет делом всей его жизни и, бросив учебу и родительский дом, отправился в далекую Россию на помощь строителям коммунизма. Конечно, родители удерживали его, как могли, но он был непреклонен. Даже когда отец объявил, что отречется от сына, если тот уедет, Гонсалес упрямо стоял на своем. Я мало что знаю о семье твоего деда, но по редким намекам и скупым разговорам я поняла, что Гонсалес во имя своих идеалов якобы предал какие-то важные семейные традиции и ценности.

Манная каша в моей тарелке остыла, а я смотрел на свою мать во все глаза и не узнавал ее. Никогда раньше она ни о

ком не говорила так увлеченно, с таким глубоким воодушевлением. Оказывается, долгие годы она хранила в душе эту историю. И не просто хранила – пыталась понять, по-своему осмыслить ее.

– Так значит, несмотря ни на что, он уехал из Мексики? – спросил я, удивляясь и завидуя невиданной смелости моего деда.

– Да, уехал, – ответила мать. – И решил, что лучшая помощь, которую он может оказать российской республике – отправиться в глубинку, в село, чтобы донести идеи коммунизма самым неискушенным (а потому и неиспорченным) людям. Там он и повстречал твою бабушку, Авдотью Ивановну, и, не откладывая дела в долгий ящик, создал с ней, как тогда говорили, «ячейку общества». Вместе они работали в колхозе. Дед пользовался среди жителей деревни большим уважением, несмотря на то, что был иностранцем. Он был образованным, знающим человеком, в совершенстве выучил русский язык, устраивал своеобразные клубные вечера и с увлечением говорил о ценностях нового общества, в котором всем им вскоре, как он искренне полагал, предстояло жить: свободе, равенстве, совести, справедливости. Идиллия продолжалась довольно долго, молодая семья успела завести детей, и будущее виделось радостным и светлым... До тех пор, пока не наступили мрачные тридцатые годы.

Слух о странном иностранце, пользующемся большим уважением среди сельских жителей, внушающем им идеалы

подлинного учения Маркса (отдельные положения которого, как оказалось, шли вразрез с генеральной линией партии), докатился до местных властей. Времена были лихие, и твоего деда, не разбираясь, обвинили в шпионаже и вражеской агитации, и бросили в чекистский застенок. Ну, а оттуда в те времена, сам понимаешь, обратной дороги не было. Следствие было недолгим, и за арестом, как случалось тогда часто, очень быстро последовал расстрел.

Самое интересное, что, как я поняла, твой дед перед смертью вовсе не разочаровался в своих идеях, не разочаровался в коммунизме и продолжал верить в возможность построения идеального общества. Он лишь пришел к убеждению, что Сталин не понял (или не захотел понять) истинного смысла теории Маркса. А смысл этот, как искренне, до самой смерти полагал твой дед – не в совершенствовании механизмов управления обществом, а в совершенствовании самого человека. Ведь только тогда, когда общество будет состоять из свободных, гармоничных и справедливых людей, оно сможет не с помощью насилия, страха или приказов, а естественным путем прийти к коммунизму, о котором мечтал Маркс. Именно работе по совершенствованию человека, по раскрытию в нем благородных побуждений и лучших качеств, видимо, и посвящал свою жизнь твой дед в российской глубинке. «Были бы братья, будет и братство», – любил он повторять фразу Достоевского. Он не считал идеи коммунизма ошибочными, он считал трагической ошибкой тот

способ воплощения в жизнь коммунистических идеалов, который избрали руководители Советского Союза. Их он называл «авантюристами от коммунизма», причем не скрывал этого своего мнения. Он говорил, что плоха не идея – плохи исполнители. Как преступления инквизиции не смогли дискредитировать саму идею христианства в глазах человечества, так и преступления тоталитаризма в Советском Союзе, как считал твой дед, не смогут опорочить светлых идеалов коммунизма. Ты спросишь, откуда я все это знаю? В основном, из писем твоей бабушки Авдотьи. Она, тоже подстать Гонсалесу, до последнего верила в торжество справедливости.

Да и вообще, трудно даже представить себе, какое количество людей в нашей стране заблуждалось так же! Даже в тюрьме, даже перед собственным расстрелом многие осужденные продолжали верить, что произошедшее с ними – лишь ужасная ошибка, чудовищное недоразумение, которое обязательно разрешится, и они, полностью оправданные и восстановленные в правах, вновь встанут в ряды «честных строителей коммунизма».

Конечно, Гонсалеса не оставили в живых! И твою бабушку, Авдотью, вскоре тоже арестовали. Измученная допросами, она отправилась по этапу в актюбинский лагерь, куда ссылали жен изменников Родины. Там, каким-то чудом сумев сохранить силы, она и произвела на свет младшего и последнего сына Гонсалеса – твоего отца. Все эти трагические

события произошли в самом конце тридцатых годов, почти перед самой войной, что, возможно, и спасло твоему отцу жизнь. Тогда новорожденных детей держали вместе с матерью до трех лет, и только после этого распределяли по детским домам.

Бабушка твоя умерла в лагере – не выдержала одиночества, потрясений, выпавших на ее долю, да и каторжный труд в сочетании с эпидемиями и морозами сводил в могилу даже людей, бывших гораздо крепче и здоровее ее.

А твой отец закончил техникум, рос верным ленинцем, считался вполне благонадежным и преданным советской власти, но клеймо «сына врага народа» все же отравляло ему жизнь. Правда, когда наступила хрущевская оттепель, стало полегче, и он как-то воспрял духом, но о семейной истории вспоминать все равно не любил. Тогда-то мы с ним и познакомились. Звезд он с неба не хватал, но работягой был честным. Жаль только, что спился к концу жизни... Что тебе еще сказать? Жили мы с ним без затей, как все. Радостей особых я от него не видела, но, по совести, говоря, и горя тоже. Большого добра мы с ним не нажили, всего наследства – эта скромная квартирка. Правда, одну вещьцу отец оставил тебе на память – он называл ее амулетом и просил передать тебе, когда ты вырастишь. Честно говоря, я почти позабыла о нем, но, раз ты начал этот разговор, значит, время пришло.

С этими словами мама, предварительно убрав со стола пустую тарелку из-под каши (надо же, я даже не заметил, как

все съел!) и, поставив передо мной чашку ароматного горячего кофе, удалилась в свою комнату. Некоторое время спустя она вернулась, держа в руках старую-престарую жестяную коробочку из-под монпансье, и вручила ее мне. Неожданное волнение овладело мной. Я осторожно открыл потемневшую от времени крышку и извлек из коробки нечто, аккуратно завернутое в тряпицу. Развернув ветхую ткань, я обнаружил странный обломок камня: то ли кусочек какого-то медальона, то ли фрагмент старинной фрески, испещренный иероглифами – разобраться было невозможно.

– Храни его в память об отце, – сказала мать. – К сожалению, ничего более ценного он тебе в наследство не сумел оставить.

Я снова завернул камень в тряпицу, поместил в коробочку и положил в карман пиджака. Сделал я это лишь для того, чтобы не обидеть мать, поскольку никакой особой ценности в этом обломке я, конечно же, не видел. Впрочем, одной безделушкой больше, одной меньше – какая разница. Раз уж эта вещь была чем-то дорога моему отцу, я непременно спасу ее, хотя бы в качестве единственной семейной реликвии.

Я машинально бросил взгляд на кухонные часы и с ужасом обнаружил, что рискую серьезно опоздать на работу. Мысль о выволочке, которую сегодня наверняка устроит мне начальник, быстро вытеснила из головы все прочие размышления, и я, сломя голову, на ходу поцеловав мать, помчал-

ся преодолевать ежедневные транспортные трудности, понимая, что даже в том случае, если произойдет чудо, мое опоздание все равно неизбежно и выговор – неминуем.

Конечно, никакого чуда не произошло и мне пришлось, как обычно, ждать с такими же бедолагами, как я, автобус, потом вместе с ними брать его штурмом и так далее, по списку... Счастливым, никогда в жизни не испытывавшим на себе кошмара утренних часов пик на муниципальном транспорте, можно только позавидовать! Впрочем, эти тяготы и переживания настолько банальны и настолько хорошо знакомы всем обитателям нашего города, что даже рука не поднимается лишний раз их описывать.

День прошел, как обычно, не считая того, что шеф впаял мне штраф за опоздание. Утомительное перебирание скучных отчетов, договоров, актов, пересказы вчерашних новостей, сплетни сотрудниц... Измотанный и раздраженный к концу дня, я преодолел последнее испытание – возвращение на том же переполненном автобусе. Уже не найдя в себе сил зайти в нормальный магазин, я схватил в киоске на остановке пакет кефира и батон, и, наконец, направился к своему двору. То ли от усталости, то ли от нервного напряжения, в голову мне приходили мрачные мысли.

Изо дня в день – одно и то же! Неужели человек рождается и умирает лишь для того, чтобы ежедневно совершать этот глупый, утомительный ритуал – вставать, идти на работу, изображать видимость полезной деятельности, возвра-

щаться с кефиром под мышкой, дома под бормотание телевизора уплетать этот кефир, заедая батоном, и даже не чувствуя вкуса, ложиться спать. Чтобы с утра повторить все то же самое, в той же последовательности... Причем ритуалы, может быть, у всех разные, но смысл – один. Одни и те же действия и поступки совершаются из года в год, механически, не оставляя следа ни в душе, ни в памяти. Неужели и мне суждено так прожить всю свою жизнь? Ведь во всем этом смысла не больше, чем в росте травы. Для чего я родился? В чем мое предназначение? И как я найду его, если все мои силы и мысли заняты исполнением этого глупого, никчемного, бюрократического ритуала?..

На этот раз мне удалось добраться до квартиры без приключений – никаких падающих лифтов и утечек газа, слава Богу, не повторилось. Снимая пиджак, я услышал, как что-то выпало из кармана и с металлическим стуком ударилось об пол. Я наклонился и поднял жестяную коробку – посмертный подарок отца.

Черт, со всей этой круговертью я совсем забыл про нее! Не хватало только потерять или разбить этот осколок!

Я открыл крышку, достал камень, осмотрел. Разумеется, он оказался цел. Я внимательно вгляделся в странные знаки на его поверхности, и вдруг мною овладело странное состояние. Передо мной, как наяву, возник мой дед, выглядевший в точности так же, как на той фотографии: он стоял на пустынном утесе и пристально всматривался вдаль. Вдруг мне

показалось, что это не он, а я стою на вершине, всем сердцем ощущая одиночество и отрешенность от мира.

«Быть ясновидящим опасно. Люди стремятся избавиться от тех, кому ведомы тайны мироздания» ... — неожиданно возникли в голове чужие, вовсе незнакомые мне слова.

Я вздрогнул и оглянулся. Вот что значит усталость и чрезмерная впечатлительность! Конечно, я не стоял ни на каком утесе, и никого рядом со мною не было. Привычная, знакомая до мельчайших деталей прихожая собственной квартиры, вешалка с пиджаком, плащом и старым зонтиком... И я, как болван, стою посреди прихожей, тупо разглядывая осколок камня. Торопливо завернув его снова в тряпицу, я прошел в комнату и запрятал коробочку в ящик письменного стола, в самый дальний его угол, решив оставить ее в покое и заняться своими делами. Впрочем, никаких особых дел у меня не было. Я включил телевизор и принялся лицезреть, как очередной пропагандист очередного кандидата на очередных выборах рассуждает о его преимуществах перед остальными. Неторопливо, с наслаждением попивая кофе, я вполуха слушал его набившие оскомину доводы, думая лишь о том, как все-таки приятно оказаться дома, в тепле и покое.

Не могу сказать, чтобы я был полностью аполитичным человеком, нет. Мое равнодушие к разного рода теледебатам и политическим дразгам объясняется просто: то, что у нас в России пытаются выдать за демократию и свободные выборы, на самом деле таковыми не являются. А я не

люблю участвовать в фарсах. Конечно, когда преобразования в нашей стране только начинались, когда во власть попали люди, которые искренне верили в то, что действительно смогут изменить жизнь страны и старались претворить свои идеи в жизнь, меня было не оторвать от телевизора. Но теперь, когда, по сути, исход любых выборов известен заранее, и выступления маститых политиков перед «электоратом» (как они любят называть людей, на деньги которых, по сути, и обеспечивается их безбедное существование) проводятся лишь для того, чтобы лишний раз напомнить о них народу, мне скучно и противно наблюдать за этими играми. Наша демократия превратилась в пустопорожнюю болтовню, где раскрученные политики и разного рода политологи (сколько их развелось за последнее время!) щеголяют друг перед другом ораторским мастерством, ловко манипулируя сознанием людей, в то время как настоящие решения, от которых зависит жизнь страны, принимаются незаметными «серыми кардиналами». В конечном же счете все диктуется денежными мешками.

«И какой, спрашивается, сегодня смысл читать газеты, журналы, переключаться с одной телепрограммы на другую – правды из них все равно узнать невозможно, так что пользоваться ими – только портить себе настроение».

Так размышлял я, перейдя на какой-то ненавязчивый музыкальный канал.

Под негромкое воркование неизвестной мне молодой пе-

вицы я с удовольствием думал о том, что завтра выходной день, и можно будет, наконец, выспаться и отдохнуть, а уж потом, на свежую голову, и подумать о смысле жизни. Может быть, не все в ней так мрачно и беспросветно, как представилось мне сегодня вечером?

С такими обнадеживающими мыслями я допил свой кофе, принял ванну и, едва моя голова коснулась подушки, погрузился в сон.

Глава вторая. Стас.

Сколько раз мне приходилось выслушивать панегирики в адрес многодетных семей! И дружные они, и счастливые, и «один за всех, все за одного», и радость родителей, и поддержка друг для друга... Чушь собачья! Все эти разглагольствования о мифическом благополучии больших семей не более чем фантазии избалованных дураков, не знающих реальной жизни. Пусть бы они сами хоть недельку попробовали пожить в такой семейке! Тогда бы, небось, сразу заговорили по-другому! Уж я-то на своей шкуре испытал всю эту хваленую «взаимовыручку» и «поддержку»! Меня, к несчастью, угораздило родиться старшим ребенком как раз в таком вот семействе. Мои родители особо не утруждали себя мыслями о том, как воспитывать и содержать ораву, которую они наплодили. Бездумно исполняя детородную функцию, они, казалось, считали свой родительский долг выполненным. Все остальное, – воспитание детей, уход за ними, забота о достойном образовании и счастливом будущем для своих чад, – нисколько их не волновало. Эти обязанности они стремились переложить, по мере возможности, на кого-нибудь другого. Этим «другим» неизменно оказывался я. Как только я достиг возраста, в котором ребенок способен не только прикладываться к соске, но и оказывать посильную помощь родителям, я стал бесплатной и безропотной нянь-

кой для своих младших братьев и сестры. Мои сверстники гоняли мяч во дворе, катались на санках, ходили в кино, а я, как проклятый, менял пленки, еле сдерживая тошноту, подкатывающую к горлу, вытирал сопливые носы, сажал на горшок, разогревал кашу... Да что там развлечения! Даже уроки мне приходилось учить под аккомпанемент неумолкающих криков и визгов малышни, то и дело отвлекаясь для того, чтобы разнимать их ссоры, делить между ними конфеты и игрушки, успокаивать плачущих и увещевать драчунов.

А ссорились они беспрестанно, и причиной ссор могло стать все, что угодно – от старого носового платка до новой машинки, подаренной кому-нибудь из них на день рождения. Так что, еще раз повторюсь: не верьте идеалистам, утверждающим, что большая семья – это мирное единство родственных душ! Абсурд и ложь! Большая семья – это каторга, это волчья стая, в которой каждый волчонок норовит урвать для себя кусок пожирнее. А когда в такой семье еще не все в порядке и с материальным достатком, отношения в ней и вовсе становятся невыносимыми, она превращается в чудовищного монстра, раздирающего самого себя по частям.

Итак, родители не занимались моим воспитанием, при этом взвалив на меня обязанности по уходу за младшими детьми. Самое забавное, что, возложив на меня свои прямые обязанности, они умудрились еще и читать мне нотации. Сколько раз я слышал пафосные рассуждения родителей о том, что я уже большой мальчик и должен гордиться

тем, что мне поручают такие ответственные дела (например, поменять грязные пеленки, вымыть горшок и т.п.). Родители уверяли меня, что, заботясь о младших, я еще больше полюблю их – потому, что вместе с заботой я передам им частицу своей души. Смешно! Эти маленькие гаденыши отбирали у меня самое дорогое – счастливое и свободное детство, а я их должен был за это любить? Да я ненавидел их – всех вместе и каждого в отдельности!

Словом, роль старшего сына в подобной семье ничего, кроме содрогания, вызывать не может.

Самое обидное, что ни благодарности, ни поддержки родителей я не ощущал. Мать была замотана вечными заботами о том, как прокормить нашу кучу, и ей было не до сантиментов, отец же вообще на семейные дела не обращал никакого внимания. Иногда, правда, на него находило нечто, что можно было бы назвать «желанием исполнить отцовский долг», но, поскольку привычки к этому он не имел, то и выглядели его попытки уделить нам внимание как-то... наигранно и нелепо. В зависимости от того, в каком он находился настроении, когда на него вдруг нападала тяга к воспитанию, нам перепадали либо подзатыльники, либо (в лучшем случае) длинные отцовские монологи, которые он называл «беседой». Эти «беседы» состояли из пространных рассуждений о том, что отец считает правильным, а что – нет. Опирался он, в основном, на примеры из собственной жизни, считая ее, судя по всему, образцовой и достойной для подража-

ния. Видимо, он полагал, что таким образом прививает нам идейные убеждения (а их-то он, похоже, и считал главной ценностью в жизни) и закладывает моральные устои.

В дни своего детства самым страшным ругательством я считал слово «троцкист», которое не раз употреблял отец, когда был рассержен или хотел кого-нибудь уязвить. Конечно, я и понятия не имел, кто такие троцкисты, но эмоциональная окраска, которую придавал отец этому слову, не вызвала у меня сомнений – страшнее оскорбления быть не может. В моем детском воображении сложился и соответствующий образ «троцкиста» – некое подобие дьявола, с рогами, кровавыми глазами и огромной пастью, очень опасное и готовое пожрать все на своем пути. Однажды я спросил у отца, кто же такой троцкист, чтобы подтвердить свое предположение, и был очень удивлен, когда оказалось, что это никакой не черт с рогами, а обычный человек, только, по выражению отца, «подонки, который против Ленина и партии». Поразмыслив, я решил, что тот, кто против Ленина, хоть и не черт, но тоже очень страшный и опасный, и взял отцовское ругательство на вооружение. Эффект, производимый им, меня вполне удовлетворил: слышав загадочное слово, люди пугались и отступали от меня, причем не только дети, но и взрослые. Я решил, что это отличное ругательство, раз оно наводит на людей такой страх, и стал употреблять его при любом удобном случае.

Пожалуй, кроме умения смачно выругаться, дать отпор

обидчику, грозно сжимать кулаки, отец ничему меня не научил. Моему обучению в школе он и вовсе не придавал никакого значения. Знаниям и книгам он противопоставлял физическую силу. Может быть, потому что считал весь окружающий мир враждебным и агрессивным, он и растил не сына – молодого волчонка, способного этому миру противостоять. Ни слова не слышал я от него о любви, о сострадании, о дружбе. Только недоверие (или бдительность – это слово он тоже употреблял очень часто), только сила, только власть, по его мнению, могли помочь мне оставаться на плаву. Не знаю, удалось ли отцу в полной мере вырастить из меня волка, но некоторые его уроки я усвоил накрепко. По крайней мере, попадая в критические ситуации, когда важна быстрота реакции и сила, я неизменно вспоминаю его слова: «Ты всегда должен уметь постоять за себя. На удар отвечай ударом, не раздумывая. И твой удар всегда должен быть сильнее».

Свою философию отец, случалось, подкреплял и историческими примерами. Так, я помню, в какой ужас поверг меня его рассказ о том, что в Древней Спарте физически слабых мальчиков сбрасывали со скалы. «И правильно делали! – рокотал отец. – Обществу не нужны слабаки, от них никакой пользы, одно нытье!» Рассказывал он мне это в один из дней, когда его воспитательный порыв был нацелен на мое физическое развитие. Был выходной, и отец заставил меня, вместо прогулки с друзьями, два часа поднимать гантели и отжиматься от пола. Не имея привычки к постоянным трениров-

кам, я, конечно, выдохся через полчаса усиленных упражнений под его руководством. Отец назвал меня слабаком и рассказал, что сделали бы со мной в Древней Спарте. Я до сих пор помню, как в моих глазах стояли слезы, как дрожали колени и ныли руки, но отец был непреклонен, и мне пришлось заниматься до тех пор, пока ему самому не надоело надо мной измываться. На следующий день я был не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой – все мышцы ныли. Но пожаловаться на свое самочувствие отцу я не посмел – ведь тогда он бы опять посчитал меня хлюпиком.

Жаль, что я в те времена не знал истории, и не смог ответить отцу. Ведь, рассказывая мне о жестоких законах Спарты, он умолчал о том, отчего она погибла. А, как известно, погибла она именно оттого, что, признавая лишь диктатуру силы и уничтожая более слабых, но, возможно, более совершенных духом своих граждан, истребила интеллект, дух, который не менее важен для страны, чем сила. Она погибла, потому что не смогла гармонично развивать и то, и другое. Неразумно полагаться лишь на грубую силу, поскольку на любой, самый крепкий кулак, найдется кулак покрепче, а на любое самое мощное оружие – оружие, его превосходящее. И когда сила сталкивается с равной силой, побеждает тот, чей дух совершеннее.

Тогда, сквозь слезы слушая рубленые и обидные фразы отца, я этого не знал. Да если бы даже и знал – разве посмел бы спорить?

Внимание отца ко мне проявлялось редко, поэтому всегда в такие моменты я слушал его, раскрыв рот, каждое его суждение принимая, как истину в последней инстанции. Он чувствовал это, и всякий раз, когда бывал в благодушном настроении, рассказывал мне разнообразные поучительные истории, суть которых всегда сводилась к одному и тому же – никого не бояться, никому не верить, всегда быть сильнее противника. Зная, что я очень боюсь оставаться дома один, он часто специально, под разными предлогами, запирали меня в квартире на несколько часов. Я сидел в углу и плакал от страха. Возвращаясь, он видел мое заплаканное лицо, хмурился и говорил: «Да... Жаль, что ты у меня такой трус. Вот я знаю одного отличного мальчишку, его тоже оставили дома одного, и как раз в это время в квартиру полезли воры. И что, ты думаешь, он сделал? Сидел и хныкал, как ты? Нет! Этот славный мальчуган сумел выскользнуть из квартиры, запереть в ней грабителей, вызвал милицию и задержал преступников! Ты думаешь, ему было не страшно? Он сумел пересилить свой испуг, и, несмотря на свой возраст, оказался настоящим мужчиной!». Тут отец делал эффектную паузу, пристально смотрел на меня и, словно размышляя вслух, говорил: «Может, если вас познакомить, ты станешь посмелее? Хотя, нет. Вряд ли тот смелый мальчик захочет водиться с таким трусом, как ты».

Когда отец говорил подобные вещи, мне было мучительно стыдно и обидно, хотелось сейчас же, немедленно, доказать

ему, что я тоже смелый и сильный. А больше всего я завидовал тому неизвестному мальчику, который задержал воров. Глупо, конечно... Отец не был особенно изобретателен, и его истории часто повторялись. Кроме этой, большой популярностью пользовалась история про мальчика, который сбросил на головы своих обидчиков тяжелый камень, а потом вызвал милицию, и милиция его долго хвалила; про мальчика, который поздним вечером не побоялся пойти в магазин, по дороге задержал очередных преступников, и получил медаль за храбрость, и так далее. Все эти истории заканчивались одинаково – смелый хороший мальчик всегда (средства и способы не имели значения) побеждал, его хвалила милиция, иногда награждала и, конечно, всякий раз отец сокрушался, что, наверное, ни один из этих героев не захочет дружить с его слабохарактерным сыном.

Даже когда я догадался, что все эти истории не что иное, как пустые выдумки, во мне по-прежнему оставалось детское желание доказать отцу, что я ничем не хуже, чем герои его рассказов.

С тех пор прошло уже немало лет, отца давно нет в живых, но я до сих пор не знаю, благодарить его за те уроки, что он мне преподавал, или нет. Так или иначе, ему все же удалось научить меня главному: я умею постоять за себя, я никогда не боялся лихих людей, и всегда считал, что смогу их одолеть. Не силой, так хитростью.

Может быть, отцовское внимание, пусть и нечастое, ста-

ло для меня своего рода компенсацией за то, что мне пришлось ухаживать за остальными детьми в семье. Тем, кто появился на свет после меня, отец не уделял внимания вовсе. Наверное, оттого, что весь, и без того скудный, запас отцовской любви и участия достался мне, первенцу, остальные дети для него как будто не существовали. И зачем только мать их рожала? Ни в детстве, когда мне приходилось возиться со всей этой мелюзгой, ни теперь, став взрослым, я не смог найти ответа на этот вопрос. Может, повинуюсь чисто женскому расчету с помощью детей удержать отца? Но он, наоборот, с каждым новым младенцем, казалось, все больше и больше удалялся и от нее, и от нас. Или срабатывал заложенный в генах инстинкт к продолжению рода и, исполняя это свое жизненное предназначение, она имела возможность самоутвердиться в собственных глазах? Или просто не смогла реализоваться ни в одном деле, и именно деторождение стало единственным ее призванием, с которым она успешно справлялась? Зачем?.. Не для того же только, чтобы вызвать удивление – порой восхищенное, а чаще – осуждающее – окружающих? Я никак не мог понять ее неудержимое стремление разводить детский сад, тем более что денег на его содержание в семье никогда не было, да и служебное положение отца все время висело на волоске. Словом, средств в семье было с гулькин нос, зато дети появлялись с завидным постоянством. Наверное, отца, который вынужден был постоянно ломать голову, как заработать на эту толпу, потреб-

ности которой росли с каждым годом, именно эта бездумная плодовитость жены и раздражала, в конце концов, обернувшись для нас – отсутствием отцовской любви, а для нее – охлаждением мужа.

В семье, где нет взаимопонимания между родителями, не складывается и настоящего братства и единения между детьми. Сколько ни уверяла меня мать, что в будущем эти малыши, которых я вынужден выгуливать на детской горке вместо того, чтобы погонять со сверстниками в хоккей, станут для меня поддержкой и опорой, ничего, кроме раздражения и некоторой опаски по отношению к ним, я не чувствовал.

К примеру, средний мой брат, Андрей, рос бесхарактерным слизняком. Внешне он всегда был послушным, тихим, спокойным ребенком, но мне в его поведении всегда чудился какой-то подвох. С самого детства он был, как говорится, себе на уме. Преследуя какие-то, только ему ведомые, цели, он изображал из себя верного поклонника старшего брата, при этом никогда не упуская случая исподволь, незаметно, устраивать мне неприятности. То, будто бы под давлением родителей, рассказывал им о моих проступках (ох, как сурово меня наказывал за них отец!), а потом прибегал ко мне и, заливаясь слезами, просил простить за невольное предательство. То сваливал на младших свою вину, опасаясь наказания. Да много чего было – всего не упомнишь! При этом умел так извернуться, так представить ситуацию, что полу-

чалось, будто он – самый примерный и положительный мальчик, а вот все остальные – просто исчадия ада. Конечно, подобными уловками в детстве грешат почти все, но было в Андрее и что-то еще. Что-то, что не позволяло мне никогда полностью ему довериться. Его мнимое спокойствие и наигранная покорность напоминали мне спокойствие хладнокровного убийцы из какого-нибудь зарубежного боевика, который, ничуть не изменившись в лице, с милой улыбкой может перерезать своей жертве горло, а потом расчетливо и вдумчиво уничтожить все улики. Я на уровне подсознания, каким-то шестым чувством понимал: не стоит подставлять брату спину – неизвестно, чем может обернуться такое легкомыслие, что придет ему в голову. Часто я ловил себя на том, что, отвернувшись от брата во время игры, боюсь повернуться обратно. Боюсь, потому что вместо дружелюбной и подобострастной улыбки могу увидеть мстительную гримасу (как было однажды) ...

Вслед за Андреем родилась моя сестра Марина – обычная девочка, неизбалованная вниманием, и потому послушная и скромная. Братья не обращали на нее внимания, почти никогда не брали в свои игры, и постепенно она превратилась в молчаливую тень нашей матери – к тому времени уже окончательно забитой и измотанной женскими заботами.

Последним волчонком в нашей «стае» появился Игорь. Вот уж о ком стоило бы сказать отдельно! По иронии судьбы, отцу было не суждено увидеть своего младшего сына взрос-

лым, хотя именно в нем, мне кажется, как в сухом остатке, неожиданно воплотились все чаяния отца. Если мне отец пытался привить какие-то ценности, объясняя, что в жизни, по его мнению, хорошо, а что плохо, то в Игоре, лишенном отцовских наставлений, сконцентрировалось и в полной мере развилось только плохое. При этом все, за что так ратовал отец – сила, беспощадность к врагам, потребительское отношение к жизни, целеустремленность, – все это присутствовало в Игоре, и все служило исключительно его личным интересам. С самого детства, преследуя свою цель, будь то кусок торта с праздничного стола или новая игрушка, он не останавливался ни перед чем. Я с ужасом ожидал, что же будет, когда он вырастет. То, каким он стал, превзошло мои самые худшие ожидания. Но об этом лучше не рассказывать...

Словом, вместо хваленой поддержки и взаимовыручки, между всеми нами установилось отчужденное равнодушие. Сколько раз я проклинал родителей за их плодовитость! Сколько раз думал о том, насколько благополучнее, счастливее и проще сложилась бы моя судьба, окажись я единственным ребенком в семье! Но... Жизнь сложилась так, как сложилась. Как говорится: «История не допускает сослагательного наклонения».

Благополучно настрогав четверых детей, отец отошел в мир иной. Его ранняя смерть до сих пор окружена какой-то тайной. Мама никогда не вникала в его дела, поэтому ничего о жизни отца за пределами нашего дома рассказать не мог-

ла. У меня создалось впечатление, что она в глубине души побаивалась мужа. Тихая, забитая, замученная семейными хлопотами и заботами, она просто не могла найти времени на то, чтобы заниматься собой – все силы уходили на уход за домом и детьми. Какое уж тут развитие личности! Да и то, что она считала воспитанием, на самом деле ограничивалось лишь удовлетворением физических потребностей детей. Напоить, накормить, одеть, выгулять, вылечить – этим нехитрым перечнем ограничивались ее материнские заботы. Не знаю, имею ли я право винить мать за это – ведь ни на что другое у нее, действительно, просто не оставалось ни сил, ни времени, но, на своей шкуре испытав скудость такого одностороннего воспитания, я запретил бы таким женщинам рожать. Ребенок нуждается в психологической поддержке иногда сильнее, чем в пресловутой ложке супа к обеду. Этой поддержки ни у меня, ни у моих братьев и сестры никогда не было. Мать растила нас, как самка растит своих детенышей: голоден – накормить, заболел – вылечить, замерз – согреть. В остальном мы были предоставлены сами себе, самостоятельно постигали сложные законы окружающего мира, по своим, детским представлениям, пытаюсь определить, что такое хорошо, а что такое плохо. Это одно из самых глубоких заблуждений, будто человек рождается склонным к добру, и лишь грубый мир, с которым он сталкивается впоследствии, делает его злым. Нет! Ребенок рождается с инстинктами звереныша. Его основная задача – выжить и получить

от окружающих то, что ему необходимо – еду, тепло, комфорт. Если предоставить ему развиваться самостоятельно, инстинкты навсегда останутся доминирующими в его душе. Ради их удовлетворения он будет готов на любые поступки, даже на преступления, просто потому, что никто не внушил ему нравственных ценностей, присущих человеку, не вложил в его сердце сострадания, любви, не воспитал в нем чувство справедливости и способности к самоограничению. Основная задача родителей – из звереныша, которого они произвели на свет, сделать человека, передать ему моральные устои, нравственные законы, по которым из века в век живет человечество. Это сложная и длительная работа, требующая от взрослых любви, терпения и полной самоотдачи. Мои родители на эту работу оказались неспособны. Поэтому, дав миру четверых детей, они даже не задумывались о том, что могут вырастить не людей, а монстров.

И вновь я упорно возвращаюсь к одной и той же мысли, не дающей мне покоя: как можно, не постигнув своего собственного предназначения на земле, не усвоив для себя законы мироздания, плодить новые, такие же слепые и никчемные существа? Если человек хоть один раз в жизни пожалел о том, что появился на свет (о чем неоднократно, в минуты раздражения, причитала моя мать), как может он желать иметь детей?! Для чего? Чтобы уготовить им такую же бездарную, полную разочарований и бед, судьбу? Не может сын или дочь несчастных, несостоявшихся родителей, стать

счастливей, чем они. Не может, потому что не научен ими быть счастливым, потому что не получил из их рук той истины, которая помогла бы ему развиваться и жить полноценной и осмысленной жизнью...

Погруженный в собственные невеселые воспоминания и размышления, я перебирал старые, пожелтевшие записи своего отца. Собственно говоря, эти бумаги долго еще не попали бы в мои руки, если бы не перестройка квартирного масштаба, затеянная нашим семейством. Моя жена, насмотревшись всевозможных дизайнерских передач, решила, что настала пора привести в божеский вид и нашу квартиру. С азартом первооткрывателя она затеяла грандиозный ремонт и заодно решила избавиться от накопившегося в доме хлама. Надо сказать, количество ненужных вещей, которые она извлекла с антресолей (кажется, мы не разбирали их несколько лет), повергло меня в шок: старый глобус, рваная соломенная шляпа, допотопные грелки, сломанная клизма, проржавевшая жестяная лейка, валенки, какие-то тряпки неизвестного происхождения... Среди прочего обнаружили и лежащие теперь передо мной пять картонных папок с надписью «Дело» на обложках. Я про них давно забыл, и, честно говоря, первым моим порывом было отправить их на помойку вслед за остальным хламом, однако любопытство взяло верх. Отряхнув толстый слой пыли с картонных поверхностей, я утащил папки в свой кабинет. У меня выдался свободный вечер, и я решил, наконец, внимательно просмотреть, чем

же занимался мой отец...

Как я уже упоминал, в нашей семье не было нехватки голодных ртов, зато имелась вечная нехватка денег. Сам я, выйдя в самостоятельную жизнь, тоже довольно долго перебивался с хлеба на воду, пока не получил образования и, соответственно, более или менее хлебного места. Тогда, конечно же, я и помыслить не мог, что наступит такое время, когда у меня будет собственный – и весьма успешный – бизнес. Мать, понятное дело, ничем помочь мне не могла. Спасибо и за то, что не помешала получить высшее образование, не заставила после школы идти работать, чтобы содержать ее и младших детей.

Отец, пока был жив, служил в известной всем организации, одно название которой вызывало у запуганных советских людей трепет – КГБ. Причем, насколько я понял, служил он, что называется, по призванию. По зову сердца, что ли. Был сознательным, идейно подкованным сотрудником. Я помню, что он, например, назубок знал биографию Дзержинского, часто приводя его мне в пример в часы своих поучительных бесед. С его стола не исчезали материалы всевозможных коммунистических съездов, постановления партии и правительства, и прочие пространные партийные документы, из которых советский человек обязан был черпать основы своего мировоззрения. Отец без тени сомнений называл свое ведомство «санитаром общества», освобождающим его от прогнивших элементов, мешающих построению

коммунизма. Когда кто-то из знакомых набирался смелости и упрекал отца в том, что методы КГБ – не закон, а насилие, отец ловко парировал цитатой из Ленина, употреблял которую так часто, что я до сих пор помню ее наизусть: «Мы не против насилия. Мы над теми, кто относится отрицательно к насилию, смеемся и говорим, что может быть либо наше насилие, либо насилие наших врагов. Кто считает иначе, тот либо идиот, либо совершенно необразованный человек».

Не думаю, что отец занимал сколько-нибудь значительный пост, потому что не имел никаких привилегий – ни автомобиля, ни приличной квартиры, ни достойного содержания. Рабочая лошадка, обычный, рядовой опер. Мы и жили, как все обычные советские граждане, если не считать особого отношения соседей к нашей семье – никто не стремился с нами сблизиться. Вокруг нас словно бы образовалась невидимая зона отчуждения. Нет, с родителями всегда подчеркнуто вежливо и уважительно здоровались, но при этом никто никогда не заходил по-соседски, как было принято в те времена, чайку попить, поболтать. Грозное название отцовского ведомства защищало нас от вторжения посторонних лучше любых замков и засовов. Даже я, хоть и был еще несмышленым мальцом, ощущал некий ореол, вызванный служебным положением отца. Очевидно, получив соответствующие наставления от своих родителей, дети во дворе побаивались меня, почти никогда не пытались дразнить или обижать, и, уж тем более, никто не проявлял желания поде-

литься со мной своими секретами.

Отца давно нет на свете, но его старые бумаги пережили его и теперь лежат передо мной, его сыном, будоража память, вызывая из прошлого образы давно ушедших людей и канувших в Лету событий.

Честно говоря, я не ждал от этих бумаг никаких открытий, но чем дольше я вчитывался в пожелтевшие листки, тем больше узнавал неожиданного для себя.

В сущности, все пять папок представляли собой один-единственный документ – протокол допроса какого-то человека. То и дело мне попадались странные рисунки, непонятные картинки, старые фотографии... Да и сам подозреваемый был необычным. Все в нем вызывало удивление: и его странное имя – Гонсалес Ачамахес, и необычайная, какая-то нездешняя внешность... Я вглядывался в фотографии, приложенные к делу, и недоумевал. Как этот человек, обладающий таким загадочно-демоническим лицом, напоминающим фрески индейцев племени майя, мог оказаться на многострадальной русской земле? Никогда мне не приходилось встречать среди моих соотечественников таких отточенных, словно вырезанных из камня, черт лица.

Несмотря на необычную личность фигуранта, его допрос показался мне весьма тривиальным для своего времени. Конечно, учитывая иностранное происхождение подсудимого, ничего умнее в КГБ не придумали, как обвинить его в работе на зарубежную разведку, причем речь шла и о мек-

сиканской, и об американской, и о японской разведке. Мой отец задавал обвиняемому скучные, все время повторяющиеся вопросы: «С какой целью вас забросили в нашу страну для шпионажа?», «С какой конкретно организацией вы сотрудничаете?», «Информацию какого рода вы уже успели передать своим работодателям?», «Кто оказывал вам помощь на нашей территории?», и так далее, и так далее... Пароли, явки, имена соучастников – все по известному сценарию, многократно описанному в литературе и прессе, когда воспоминания репрессированных хлынули в печать. Естественно, ответы Гонсалеса на все эти вопросы были невразумительными. Чувствовалось, что он испуган, совершенно не понимает, в чем его обвиняют, надеется на то, что происходящее с ним – не более чем недоразумение, и пытается донести эту простую истину до следователя.

Однообразное чтение повторяющихся вопросов и таких же повторяющихся оправданий могло очень скоро мне наскучить, тем более что я предвидел неизбежную развязку. Однако, по мере чтения этих материалов, я все больше проникался сочувствием к незнакомому мне Гонсалесу, и все сильнее испытывал стыд за своего отца, который, хоть и был простым исполнителем, а все же творил несправедное дело. Это свидетельство пусть невольного, но все же преступления, которое совершал мой отец, склоняя невинного человека к тому, чтобы оговорить не только себя, но и других столь же невинных людей, его друзей и знакомых, уже начинало

жечь мне руки. Еще немного, и папки полетели бы в корзину, но вдруг характер записей изменился.

Гонсалес внезапно перестал оправдываться — он вообще, если судить по протоколу, замолчал, несмотря на то, что ворох обвинений, выдвигаемых против него следователем, нарастал, как снежный ком. Этот Гонсалес, как я понял, кроме честной и довольно самоотверженной работы в колхозе, ничем другим не занимался, а ему вдруг предъявили «вещественную улику», найденную в его доме при обыске. Этой уликой оказался странный каменный обломок с иероглифами, завернутый в тряпицу. Конечно, привлекать к изучению камня специалистов не стали, никакой экспертизы не проводили, а попросту окрестили непонятную штуковину «американским шпионским шифратором» — ни больше, ни меньше. Будь я на месте допрашиваемого бедолаги, я принялся бы отвергать эту ересь с еще большим пылом, чем до того отвергал пустые обвинения, но... Произошло непонятное — как только с него потребовали объяснений о происхождении улики, Гонсалес полностью отказался от сотрудничества с органами и на любые вопросы отвечал молчанием. Молчал он, судя по всему, и после применения к нему «особых» методов допроса. Это показалось мне странным. Почему он замолчал? Почему даже не пытался объяснить, откуда у него этот камень? Почему ни слова не желал сказать о его назначении? Казалось бы, пустяк, какой-то каменный осколок, и вдруг такое упорство, которое не смогли сломить даже пытками. Что за

этим крылось? Невинному человеку нечего скрывать. Похоже, Гонсалес хранил какую-то тайну, разгадка которой как раз и заключалась в найденном у него обломке камня. Так или иначе, но воображение мое разыгралось самым немислимым образом.

Самой «вещественной улики» в деле, конечно, не оказалось. Осталась лишь фотография камня, испещренного непонятными письменами.

На этом бы мне и закончить чтение, да избавиться от папок, напоминающих о далеко не лучших деяниях моего отца, но тут, хоть я никогда не замечал в себе задатков Пинкертонa, меня разобрал неподдельный интерес к этой загадочной истории.

В моей голове рождались десятки вопросов, ни на один из которых я не мог найти ответа. И одним из них был, казалось бы, самый элементарный: почему именно эти папки вдруг оказались не в архиве, не в отцовском служебном кабинете, а здесь, дома, на антресолях? Почему в нарушение всех и всяческих правил и инструкций, он вынес их, да еще и хранил? Эти вопросы не давали мне покоя, и я решил попробовать провести собственное расследование.

Поразмыслив, я решил, что разгадку этой истории, скорее всего, придется искать не в России, а в стране происхождения отцовского фигуранта – Мексике. В материалах дела содержалась информация о том, что Гонсалес, оставив состоятельных родителей и учебу в университете, увлекся теори-

ей Маркса и отправился в Россию «помогать строить коммунистическое общество». Следовательно, то бишь мой отец, конечно, не поверил этим его объяснениям. Людям вообще не очень свойственно верить в благородные побуждения своих братьев, а уж сотрудникам госбезопасности – тем паче. Надо быть уж совсем лишенным революционной бдительности, чтобы поверить в то, что человек может оставить богатых родителей, карьеру, благополучие и примчаться в нищую Россию, одержимый лишь высокими идеями. Так что, конечно же, напрасно надеялся Гонсалес убедить моего отца в искренности своих намерений.

Видимо, в память о родном доме Гонсалес и хранил этот обломок, судя по письмам, начертанным на нем, довольно древний.

Если мое предположение было верным, то самое разумное, что следовало сделать на первом этапе – узнать, что это за письма такие. Очевидно, что это не испанский, и вообще ни один из современных языков. А где у нас занимаются мертвыми языками? В университете, на филфаке!

«Молодец!» – мысленно похвалил я себя и, вооружившись фотографией с изображением осколка из отцовской папки, отправился в университет.

Да, давненько не бывал я в университетских стенах!.. Вот уж поистине намоленное местечко, не то, что современные, в таком количестве нынче расплодившиеся платные академии, институты, и прочие шарашкины конторы, сулящие

осчастливить человека дипломом. Кажется, что здесь все: стены, ступени лестниц, тяжелые двери аудиторий, коридоры хранят память о благородных людях, преданных науке, о действительно великих умах последних двух столетий.

Я немного постоял, вдыхая неповторимый аромат этих священных стен, и, мысленно извинившись перед почтенным заведением за спешку, влился в суетливый поток студентов, профессуры, лаборантов и прочей университетской публики. Никто не обращал на меня никакого внимания, только один раз пожилой подслеповатый профессор зацепил меня за руку рукояткой толстой дубовой трости, как крючком, и отчитал за то, что я не был на его семинаре, перепутав со своим студентом. Я, не вдаваясь в объяснения, тотчас же извинился и пообещал подготовить к следующему семинару объемную научную работу (пускай прогульщик попотеет!). На вопросы же вахтеров я отвечал, что иду в деканат, и мне верили на слово, даже не спросив студенческого билета. А что спрашивать? В нашем универе еще не такие старички, как я, обучаются.

Наконец, мои плутания по коридорам привели меня к двери с надписью «Кафедра испанского языка». Я осторожно постучал – никакого ответа. Легонько толкнув дверь, я обнаружил, что она не заперта, и вошел. В углу небольшого, если не сказать весьма тесного, кабинета, заставленного книжными стеллажами, две дамы беседовали за чашкой кофе, не обратив на меня ни малейшего внимания. Не зная, как обо-

значить свое присутствие, я кашлянул:

– Извините, пожалуйста... Простите...

Одна из дам повернулась ко мне, явно досадуя на то, что кто-то посмел прервать ход их беседы, и, холодно сверкнув стеклами очков, осведомилась:

– Что вам угодно, молодой человек?

«Молодым человеком» уже давно меня можно было называть только с большой натяжкой.

– Мне бы хотелось побеседовать с кем-то, кто занимается... как бы это сказать... может быть... Не совсем историей Испании и испаноязычных стран, а как бы... ну, понимаете, – я чувствовал, что выгляжу глупо, как мальчишка, но холодный взгляд, направленный на меня, мешал мне сосредоточиться и толково сформулировать свою просьбу.

На лицах дам немедленно появилось такое выражение, словно я был студентом-первокурсником, не сдавшим сессию. А чего еще я ждал? Сам виноват – повел себя, как болван! И ведь на самом деле я вовсе не таков. Как-никак давно уже не новичок в бизнесе, и с партнерами умею общаться, и деловые переговоры вести не хуже других. А тут и впрямь оказался мямля мямлей. Воздух университета так на меня действовал, что ли? Посмотрела бы эта надменная дама на меня в моем офисе – там бы перед ней предстал совсем другой человек. В пору ей было бы теряться и мямлить. Так или иначе, но в голове у меня даже шевельнулась малодушная мысль: не раскланяться ли поскорее и поискать помощи в

другом месте. Однако, когда это было нужно, я мгновенно умел перестраиваться. И меня вдруг осенило:

– Вообще-то, – подпустив в голос раскатистых баритональных ноток, проговорил я, – у меня дело. Я к вам из Госбезопасности.

Это сообщение, произнесенное мною словно бы, между прочим, как нечто, не имеющее существенного значения, произвело на женщин магическое действие. Хотя я нагло сочинял, и никакого документа, подтверждающего мои слова, у меня не было, но по изменившимся выражениям их лиц я понял, что ничего такого и не понадобится.

– Проходите, пожалуйста, – совсем другим тоном ответили мне, – мы постараемся помочь.

Такая реакция добавила мне смелости (или наглости?), и совсем уж вальяжным тоном я произнес:

– Видите ли, к нам попало очень любопытное, хотя и давнее дело. Необходимо бы разобраться в этих надписях. Похоже, они относятся не к мексиканской культуре, а к ее более раннему периоду, – выложив фотографию на стол, произнес я очень умную фразу – пусть знают, что я тоже не лыком шит.

Дама аккуратно отставила свою чашку с кофе в сторону, всем своим видом изображая деловитость и готовность к сотрудничеству:

– Ну, давайте, посмотрим, что там у вас...

По неуверенному ее тону и нерешительности, сменившей первое впечатление, произведенное моей «легендой», я по-

нял, что мне, по-видимому, не очень-то поверили. И теперь, не желая попасть впросак, пытаются на ходу разобраться, кто же я все-таки такой – действительно представитель солидных органов, или просто беспардонный проситель, которого нужно как следует проучить, выставив за дверь. Дама явно колебалась, не зная, как со мной поступить, и рассеянно скользила взглядом по лежащей перед ней фотографии. Наконец, видимо, решив, что в любом случае можно позволить себе высказать неодобрение в связи с неожиданным вторжением, менторским тоном произнесла:

– По совести говоря, молодой человек, вам, как представителю закона, было бы неплохо усвоить, что во всяком деле следует соблюдать определенный порядок, если вы хотите добиться желаемого результата! Если бы вы заранее предупредили нас о своем визите через декана или заведующего кафедрой, вас ожидал бы совсем другой прием. Неужели в вашем ведомстве не учат элементарной вежливости и уважению к работе других людей?

Я покаянно склонил голову, со страхом ожидая момента, когда она, пожелав проверить мои полномочия, попросит предъявить документы или, что тоже было бы весьма прискорбно, потребует подтверждающего звонка из соответствующего отдела ФСБ. Но, видимо, мой вид выражал такое неприкрытое и искреннее раскаяние, что оно вполне удовлетворило суровую даму, и она, наконец, приступила к изучению документа. Вооружившись увеличительным стеклом,

дама несколько минут изучала изображение на фотоснимке, после чего, не скрывая облегчения, произнесла:

– Увы, молодой человек, должна вас огорчить – вы пришли не только не вовремя, но и не по адресу! – Все-таки некоторые пожилые леди бывают весьма язвительны. – Если я не ошибаюсь, то этот артефакт имеет прямое отношение к культуре индейцев майя, а, следовательно, обращаться вам нужно не к нам, а на кафедру археологии. Хотя и там вам вряд ли помогут.

– Почему? – недоуменно спросил я.

– Видите ли, – снисходительно пояснила дама, – тут нужен особый, так сказать, неформальный, подход. Культура майя очень древняя, мало изучена... К тому же, сейчас почти не осталось специалистов, даже среди археологов, которые могли бы, прикасаясь к древним артефактам, действительно погружаться в историю, а не только рассуждать о ней. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я озадаченно покачал головой.

– Как бы вам объяснить это... К примеру, вы нашли предметы, относящиеся к древней истории, держите их в руках, изучили их состав, способ, которым они были произведены, их назначение, правильно датировали их происхождение. Сможете ли вы, обладая всеми этими знаниями, понять ход мыслей человека, который ими пользовался или создал их, достучаться до него сквозь столетия, почувствовать, что волновало и тревожило его, чем он жил, во что верил?

– Не знаю... – неуверенно ответил я. – Если это предметы культа, то, возможно...

– В том-то и дело, что нет, невозможно! Сухой анализ, сопоставление фактов и эпох, к сожалению, не могут дать полного представления о том главном, чем должна заниматься история – о человеке. Наша археология анализирует черепки, осколки древних ваз, бусы, наконечники, но не душу! Любой студент-первокурсник предоставит вам сколько угодно сведений о ремеслах, принципах построения жилищ, верованиях наших предков, но спросите его, как он себе представляет их бытие, что может сказать об их духовной жизни – наверняка не получите ответа. Нужно полностью погрузиться в изучаемую эпоху или культуру, чтобы понять ее по-настоящему. Увы, таких самоотверженных, искренне преданных науке ученых почти не осталось... Все норовят не понять историю, а подогнать ее под свои теоретические выкладки, оттого и получаются нынешние исследования древности отстраненными и поверхностными.

Я умоляюще посмотрел на даму:

– Но что же мне тогда делать? Помогите, ради Бога! Будьте моей Ариадной в этом лабиринте – самому мне не выпутаться.

Моя отчаянная лесть, как ни странно, имела успех. Мадам оттаяла и благосклонно взглянула на меня:

– Пожалуй, я знаю человека, который мог бы вам помочь. Был у нас в свое время один старый чудака, очень странный,

но в интересующем вас вопросе – просто гений. В прежние времена его невозможно было застать в городе, он не вылезал из экспедиций годами. Основной темой его исследований как раз была история майя, ему принадлежат десятки статей по этой тематике, кажется, есть даже одна монография. – Она подошла к громоздкому шкафу, провела пальцем по корешкам книг и, вынув одну из них, прочла имя автора: – Иван Петрович Логинов! Да... Незаурядный был человек. Вот уж кто, действительно, отдавался любимому делу без остатка. Просто влюблен был в своих майя! Как-то он так интересно выражался?.. – дама чуть наморщила лоб, припоминая: – А, вот: «Если человечество идет лишь вперед, это вовсе не означает, что оно приближается к своей цели. Иногда стоит повернуть назад, чтобы найти истинные сокровища духа. Изучите древнюю историю майя, и вы поймете, для чего пришли в этот мир...», – она помолчала с минуту, погруженная в воспоминания. – Да... Только вот не знаю, молодой человек, – вскинув на меня глаза, обмолвилась она, – жив ли еще Иван Петрович? У нас, во всяком случае, он давненько не появлялся.

Это последнее замечание меня огорчило:

– Я от всей души надеюсь, что он находится в добром здравии, – пробормотал я. – Но как мне с ним связаться?

Тяжело вздохнув, мадам с сожалением посмотрела на свою недопитую чашку, в которой остывал кофе, коротко бросила: «Подождите меня здесь», и вышла. В пустынном

гулком коридоре процокали ее высокие каблуки. Вскоре она вновь появилась и положила передо мной листок бумаги с адресом.

– Вот, пожалуйста. Можете попытаться связаться. Больше ничем помочь не могу. И, будьте так любезны, передайте своим коллегам, чтобы впредь не отвлекали людей от дела по пустякам. Лучше бы с преступностью боролись! Ведь даже рядом с нашим университетом вечно какие-то криминальные элементы вертятся! Порядочному человеку выйти невозможно!

На ее неожиданную гневную тираду в адрес правоохранительных органов я ответил так, что любой милиционер мог бы мною гордиться:

– Конечно. Обязательно. Мы всегда готовы стоять на страже интересов наших законопослушных граждан.

«А их-то как раз, этих самых законопослушных граждан, в нашей стране теперь днем с огнем не сыщешь!» – подумал я про себя.

Что ни говори, а за пятнадцать последних лет изрядно позаботившиеся о своих интересах чиновники создали такую систему государственного управления, при которой любой человек – от предпринимателя до простой домохозяйки, просто априори является преступником. Государственные законы существуют лишь на бумаге. Они настолько нежизнеспособны, настолько не отвечают современному положению дел в обществе, что их нарушает даже само государство

— на глазах у всех. А когда закон нарушается его создателем, чего же можно требовать от простых людей, какого законопослушания?

Ложь, фальшь и воровство на всех уровнях власти порождают и соответствующее к ней отношение. Никто не хочет быть обманутым, поэтому обманывает сам. Люди, видя беспардонность и беспринципность власти, пытаясь удержаться на плаву, просто вынуждены поступать так же, как поступают с ними — то есть воровать, лгать и нарушать закон.

Криминальное государство, в том виде, в каком оно существует у нас, не может никого защитить от криминальных элементов. Но стоит ли рассуждать на эту невеселую тему с милой ученой дамой из университета?

Я поблагодарил ее от всей души, церемонно раскланялся, и удалился.

Глава третья. Григорий.

Несмотря на данное себе накануне обещание не читать газеты и постараться пореже смотреть телевизор, я вновь сидел, развалившись на диване, и смотрел очередную передачу. Щелкая пультом, переходя с канала на канал, я вновь убедился, что и сегодня вечером, как и во все другие вечера, найти программу, которая хоть что-нибудь могла сказать уму или сердцу, практически невозможно.

И вот что еще удивительно: стоило мне услышать с экрана телевизора какого-нибудь политолога или комментатора, как я тут же мысленно вступал с ним в спор, в запале производил длинные разоблачительные монологи, одним словом, тратил массу нервной энергии – и ради чего спрашивается? Потом я всякий раз давал себе слово сохранять перед экраном полное равнодушие, и даже самые отъявленные глупости и несуразности не принимать близко к сердцу. Иначе – себе дороже. И все-таки едва я усаживался на диван перед телевизором, я опять снова и снова попадался на ту же самую удочку.

Ведь уму непостижимо, сколько обрушивается на нас с экрана сенсационных разоблачений, скандалов, политических дрызг! И что толку? Вот, к примеру, оказалось, что генеральный прокурор страны развлекался неподобающим образом с девушками легкого поведения... То есть, пардон, «че-

ловек, похожий на прокурора». Ну и что? Эту запись, которая, между прочим, является ничем иным, как вторжением в частную жизнь, показали по всем каналам, прокурор подал в отставку. Каков итог? Ради чего шумиха? Никакого расследования не проводилось, все успокоились на том, что человек ушел с поста. А если это был вовсе не он? А если он стал жертвой хорошо спланированной операции по устранению неудобного прокурора с помощью фальшивой видеосъемки? На все эти вопросы нет ответа, и никогда не будет.

Разоблачили сталинский культ личности, с пафосом раструбили о миллионах репрессированных, о загубленных жизнях, о преступлениях сталинского режима, покаянии и прочем. Где процесс по этим преступлениям, я спрашиваю?! Да, Сталин мертв, но живы те, чьи подписи стоят под приказами о расстрелах. Где эти люди? Когда и кто осудит их? А если не осудит, тогда в чем заключается смысл нашей свободы слова, да и вообще свободы в стране? Свобода знать, что тебя унизили, уничтожили твоих родителей, разворовали твою страну? Свобода знать все это – но так и не увидеть торжества справедливости, не иметь возможности взглянуть в глаза тем, кто все это вершил. «А нужна ли нам такая свобода? – с пафосом спрашивал я себя. – Ведь это лишь усугубляет унижение, приумножает боль».

Нищим шахтерам и замерзающим в своих домах пенсионерам, которым отключили отопление за неуплату, демонстрируют разоблачение Чубайса. Но если он виноват – по-

кажите, как он наказан, или заставьте его исправить ситуацию! Нет, все остается по-прежнему – люди мерзнут, Чубайс управляет энергетикой.

Рассказывают, сколько миллиардов вывезли из страны нажившиеся на развале Союза олигархи, которые первыми успели к дележке оставшегося бесхозным пирога – растащили нефтяной и энергетический комплекс, крупнейшие и самые перспективные заводы, получили сверхприбыли и поехали скупать по всему миру недвижимость, курорты и футбольные клубы. Так покажите людям, как вы планируете вернуть эти деньги! Ничего... Только пустая болтовня, напоминающая вопли обезьян в джунглях.

И кому нужна такая свобода слова, при которой нет свободы действия? Из-за этой пустой болтовни погиб Советский Союз. Если не остановить ее поток сейчас и не начать действовать, может погибнуть и Россия.

Правда, когда я отключаюсь от смысла того, что произносится с экрана, то мелькание кадров и монотонные голоса дикторов действуют на меня весьма благотворно и успокаивающе. Вот и теперь я постепенно начал впадать в дрему, но внезапно дернулся, словно меня толкнули. Сон неожиданно исчез. Мне опять вспомнился отец и его талисман – осколок древней, давно отшумевшей и канувшей в небытие жизни. Неудержимо захотелось вновь взять его в руки и еще раз внимательно рассмотреть. Я ведь так и не понял, чем он был тогда, в древности: монетой, женским украшением, знаком

на одежде воина, а может, частью одеяния жреца, амулетом?

«Все-таки бестолковый и неорганизованный я человек. Что-то делаю не так, вечно путаю главное со второстепенным, важное с несущественным, — подумал я. — Вот ведь и отец, наверно, неспроста так берег эту вещицу и оставил ее мне. А я, неблагодарный, убрал ее с глаз долой, да и успокоился».

Я поднялся с дивана, прошел к письменному столу и достал коробку из-под монпансье. Из окна на стол пролился лунный свет, осколок тускло блеснул. Я положил его на ладонь. Странно, очень странно: прикосновение было теплым, предмет этот явно не походил на холодный камень, которым первоначально казался. Я почувствовал исходящую от него легкую, едва заметную пульсацию. С каждой минутой росло ощущение, что я держу в руках нечто живое, и это «нечто» волновало, внушало мне беспокойство, обволакивало волнами странной энергии, которую я начал ощущать почти физически. Казалось, еще минута, и я услышу его музыку, его голос...

Пронзительный телефонный звонок вывел меня из состояния транса, в котором я так неожиданно оказался. Я неуверенно поднял трубку и услышал сухой, шуршащий, словно бумага, голос:

— Григорий Александрович?

— Да, я слушаю вас, говорите... Объясните, наконец, кто вы, и что от меня хотите?

Голос, проигнорировав мой вопрос, прошуршал:

– Как вы себя чувствуете?

Не зная, что ответить странному собеседнику, я замолчал. Пауза, продлившаяся не более минуты, завершилась уже знакомым мне образом: послышались короткие телефонные гудки, говоривший повесил трубку.

Чертовщина какая-то! Какой-то дурацкий розыгрыш! Но кому это нужно? И зачем?

Я выглянул в окно, вдохнул прохладный ночной воздух, осмотрел двор. Что я там надеялся увидеть? Не знаю. И, хотя я твердо решил не придавать значения этим глупым, все больше и больше раздражавшим меня, звонкам, окно я, на всякий случай, прикрыл. В комнате у меня было темно, так что с улицы меня вряд ли можно было заметить. Штор, правда, на окне у меня не было. Я их не люблю. Всю жизнь считал их никчемными сборниками пыли, чем отличался от моей жены, с которой впоследствии разошелся. Не из-за штор, разумеется.

Так я и стоял у окна, глядя на бледный медальон луны в ночном небе, как вдруг почувствовал какое-то жжение в руке, все еще сжимавшей отцовский осколок камня.

«Пора бы положить тебя на место, не так ли?», – то ли произнес, то ли подумал я, не заметив, что обращаюсь к загадочному предмету как к живому существу.

Я вернулся к столу, и, едва успел задвинуть на место ящик с заветной коробкой, как за моей спиной раздался слабый

звон. Я оглянулся: на том месте, где я стоял всего минуту назад, блеснула стеклянная пыль. В окне чернело круглое отверстие, очень похожее на пулевое...

Дурное предчувствие и мгновенно охвативший меня панический страх буквально швырнули меня на пол.

«Что-то мне это не нравится... Это уже совсем не похоже ни на какой розыгрыш!» – думал я, переползая к стене, недоступной для пули.

Не могу сказать, что я такой уж трус, но быть убитым, как бессловесное животное! В своем собственном доме?! Извините.

Мои мысли лихорадочно сменяли одна другую, метались в поисках выхода.

Что делать? Что делать?! Вызвать милицию? Но что я им скажу? Что в меня только что стреляли? А кто стрелял? Есть ли у меня враги?

С врагами дело обстояло из рук вон плохо. Ни бизнесом, ни политикой я не занимался, так что заказывать меня, вроде бы, было некому. За всю свою небогатую и недолгую жизнь я обзавелся лишь парочкой скучных приятелей, которые не то, что стрелять – даже выпить-то толком не умеют. Парочка брошенных любовниц тоже не в счет. Ни один из разрывов не оставил, как мне казалось, душевных травм у моих временных спутниц, и «высокие стороны», как правило, расставались мирно, вполне довольные друг другом, а также тем, что не придется впредь тратить время и силы на то, что-

бы поддерживать видимость страсти в затянувшихся и надоевших уже обоим отношениях. Так... вычеркиваем. Валентина? Тоже не подходит. Моя последняя подруга очень мало напоминала страстную ревнивицу, способную выстрелить мне в окно из-за каких-то мифических подозрений.

Нет, женщины тут вообще ни при чем. Слишком аккуратно и профессионально был произведен выстрел, а ни одна из моих дам не была настолько состоятельной, чтобы оплатить услуги киллера. К тому же, звонил-то мне мужчина!

Так в чем же дело? Кто пытается меня убить? Из-за чего? Откуда этот «кто-то» вообще взялся? Вопросы крутились, как застрявшая на одном месте патефонная пластинка. Попытки найти ответ хоть на один из них успехом не увенчались.

С большим трудом я заставил себя отлепиться от безопасной стенки и почти ползком пробрался в спальню.

Странное оцепенение, вызванное страхом, сменилось не менее тревожным, беспокойным сном. Всю ночь я метался на постели, то впадая в тяжелое забытие, то просыпаясь от любого шороха. В полудреме мне чудились кошмары, угрожающие тени надвигались на меня, не давая дышать. Не давая жить...

Наступившее утро разразилось телефонным звонком, напугавшим меня не меньше, чем ночной выстрел. Брать трубку решительно не хотелось, да, честно говоря, было попросту страшно – страшно было возвращаться в реальность, по

недоступным моему соображению причинам ставшую для меня такой враждебной, такой смертельно опасной.

Но телефон оглашенно звонил...

«Чтобы не свихнуться, в этой странной игре нужно выяснить все до конца. Отсидеться, видимо, уже не получится. Если я хочу что-то понять – рано или поздно мне придется действовать», – не без колебаний решил я и, собрав все свое мужество, поднялся на ноги и заставил себя подойти к телефону.

– Григорий Александрович? – обратился ко мне незнакомый доселе, но вполне нормальный, даже чуть взволнованный мужской голос.

– Да, это я.

– Вы знаете... То есть, вы, конечно, меня не знаете... не помните... а потому вряд ли знаете, – он явно волновался, поэтому говорил нечто путаное и совершенно невразумительное. – Но мне необходимо встретиться с вами по делу, которое вас самого должно очень заинтересовать, – наконец, уже внятно выговорил незнакомец свою просьбу.

«Вот оно, началось! Теперь меня заманивают в ловушку», – подумал я, но вслух ответил:

– Может быть, вы назовете себя?

– Да, да, конечно. Простите, пожалуйста, я так волнуюсь, что забыл представиться. Логинов. Иван Петрович. Сейчас-то я пенсионер... Но в свое время... Впрочем, вам это может показаться несущественным. Простите, я, наверное,

говорю очень сумбурно... Мне очень хотелось бы встретиться с вами и поговорить. Видите ли, пришла пора подводить итоги – и жизни, и работе. Что, в общем-то, в моем случае одно и то же. И мне хотелось бы свести концы с концами, поставить все точки над i. Одной из таких точек, как ни странно, являетесь вы.

Вот так поворот! Точкой мне быть совершенно не хотелось. Ни в каком тексте.

– А где гарантии, что встреча с вами безопасна? – решил-ся я задать прямой вопрос. Похоже, мне уже незачем было притворяться. – Откуда мне знать, что, посетив вас, я вернусь домой живым и невредимым?

Человек на том конце провода покряхтел, подумал:

– Вам не следует меня опасаться. Я физически не могу причинить кому-либо вред. Самое страшное, что я могу в жизни сделать – не донести чашку до рта. К сожалению, я парализован и передвигаюсь исключительно в инвалидной коляске.

Недоверчиво промолчав, я выдвинул следующий аргумент:

– Но ведь кроме вас в квартире могут оказаться и другие люди, вовсе не парализованные и достаточно крепкие для того, чтобы разmozжить мне череп.

– Ну, как мне вас убедить? Если вы так боитесь, то можете прийти не один, а с друзьями. С милицией, наконец. Поставьте, так сказать, городского у входа. Поверьте, я вовсе

не собираюсь причинить вам вред! Напротив, я уверен, что визит ко мне должен принести вам немалую пользу.

Тут уж я не выдержал, и рассмеялся:

– Вы меня заинтриговали! Скажите тогда, будьте так добры, какая польза мне может быть от посещения пенсионера? Никак, деньги мне предложите?

– Не стоит иронизировать, молодой человек, – мне показалось, что он слегка обиделся. – На свете есть немало вещей, стоимость которых не измеряется деньгами. Уверен, если вы придете и выслушаете меня, будете мне благодарны. А вот если не решитесь, возможно, будете жалеть об этом до конца своих дней. Не бойтесь, приходите. Я живу на Васильевском острове, дом мой находится в людном месте, недалеко от метро, так что вам по дороге ко мне тоже ничто не угрожает. Судя по тому, как вы недоверчивы, у вас есть основания беспокоиться за свою жизнь. Тем более есть резон придти. Повторяю, меня вы можете не опасаться. В крайнем случае, я могу стать лишь вашим товарищем по несчастью.

Вот этого только мне и не хватало! Становиться чьим-то товарищем по несчастью мне тоже совсем не улыбалось. Но, с другой стороны, отчего бы не рискнуть? В конце концов, возможно, визит к этому подозрительному чудаку хоть что-нибудь прояснит во всей этой странной истории. Я вдруг поймал себя на мысли о том, что не столько даже напуган произошедшими событиями, сколько оскорблен. Меня хотят убить исподтишка, как тупого барана, даже не сказав,

за что! Так бездарно погибать определенно не хотелось. Как всякий нормальный человек, я, по крайней мере, имею право знать, что мне ставится в вину, за что мне угрожают. И, кроме того, я имею право на сопротивление! А значит, главное — это попытаться выяснить все, что возможно.

Я записал его адрес, сказал, что обязательно приду, как только сумею освободиться от дел. Понятно, что мои дела тут были совершенно ни при чем. Если честно признаться, я все-таки не мог преодолеть страх. Мало ли что говорит этот человек! Кто даст гарантию, что меня не заманивают в мышеловку? В то же время неведение о том, кто же жаждет моей смерти, откуда исходит угроза, тяготило меня, пожалуй, не меньше, чем сама угроза. Мне хотелось сделать хотя бы первый шаг на пути к разгадке всей этой странной и мало приятной истории. Но для этого надо было набраться мужества. Его-то мне и не хватало сейчас. Так или иначе, но с визитом к неизвестному мне Ивану Петровичу Логинову я решил повременить. Увы, впоследствии мне пришлось очень пожалеть об этом. Вероятно, это было малодушие, но хотел бы я посмотреть на человека, который, оказавшись в моей ситуации, проявлял бы чудеса храбрости!

Глава четвертая. Дикий.

С годами я все чаще и чаще спрашиваю себя: «Почему я так ненавижу людей?» Но вот уже многие годы не нахожу ответа на этот вопрос. Хотя... Однажды я случайно услышал спор молодой пары. Что-то там такое они говорили о человеческих привычках, и девушка сказала своему кавалеру: «Все мы родом из детства». И я сразу вспомнил...

Я вырос в детдоме. Без родителей я остался очень рано, они погибли в автокатастрофе, когда мне не было и пяти лет. Их лица и голоса стерло в памяти время, только их смутные образы иногда напоминают мне о том, что был и в моей жизни короткий отрезок счастья. Хотя поверить в это сейчас практически невозможно. Я все забыл, и ничего не могу связно рассказать о том времени, когда я был обычным ребенком в обычной счастливой семье, но все же во мне осталось, навсегда впечатавшись в самые укромные уголки моей очерстневшей души, ощущение счастья. Ощущение чего-то светлого, теплого, мягкого, радостного, что окружало меня всего несколько коротких лет моей жизни и сохранилось в душе моей неким идеалом, с которым впоследствии я сравнивал все, что со мной происходило. Достичь этого идеала мне так никогда и не удалось... Иногда, совсем, совсем редко, в памяти всплывают образы большой доброй женщины с толстой черной косой, прижимающей меня к груди, и круп-

ного мужчины, который подбрасывает меня, совсем еще кроху, вверх, восклицая при этом: «Вай, генацвале!». Я думаю, что это и были мои отец с матерью, но не могу знать этого наверняка. Может быть, их просто породило мое детское воображение, изнывавшее в ночной тоске без родительской любви.

Гораздо чаще я вспоминаю совсем другое. Я вспоминаю, как чужой человек ведет меня за руку прочь из дома. Я вспоминаю, как мне было страшно, как я беспомощно оглядывался на свой дом, но почему-то человека никто не останавливал, и мы с ним уходили все дальше и дальше... Потом было помещение, где стоял тошнотворный запах каких-то химикатов, как будто в нем травили мышей. Кругом белые стены, кафель, и огромное, пустое холодное пространство, в котором даже дышать получалось с трудом. Я забился в угол этой странной комнаты и долго ждал, когда же меня отведут обратно домой. Но вместо этого появилась чужая тетя в белом халате. Она взяла меня за руку и куда-то потащила. В ее молчании и упорстве, с которым она меня волокла, несмотря на мое слабое сопротивление, мне почудилось что-то жуткое, бесповоротное. Я не столько даже понял, сколько почувствовал, что она уводит меня от прежней, уютной домашней жизни в новую – неизвестную и страшную. Я стал упираться, теперь я сопротивлялся уже изо всех сил, но она только крепче сжимала мою руку и еще сильнее тянула за собой. Я в ужасе пытался вырваться, упирался ногами, цеплялся за

стены и кричал, кричал на весь мир! Но мир не услышал моего крика. Не нашлось людей, которые пожалели бы меня и забрали из холодного казенного дома обратно, в домашнее тепло. Все равнодушно отвернулись и оставили меня совсем одного.

Это был первый в моей жизни урок ненависти. Именно тогда я и решил, что вырасту и отомщу. Всем.

Мое детство в детдоме состояло из ненависти, презрения и стыда. Казарменный быт, стоящие в ряд детские кровати, на которых сопели такие же сопляки, как и я. В одной комнате таких кроватей могло стоять до сорока. Ничего индивидуального – одинаковые койки, одинаковые тумбочки, одинаковая одежда. Никакой возможности хоть на некоторое время остаться одному, хоть немного почувствовать себя отдельной личностью. Все – общее. Даже несчастное воюющее ведро, которое на ночь ставила нянечка в комнату для того, чтобы мы не просились в туалет. Как ненавидел я эту жизнь, а вместе с ней и своих товарищей по несчастью!

Кроме того, что вся окружающая обстановка угнетала меня, была еще одна причина, по которой я ужасно чувствовал себя в этой казарме: я писался по ночам. Нянечка, которой было на нас наплевать, запросто могла забыть и не поставить ведро в комнату, и наутро тех, кто не мог дожидаться утра (и меня в том числе), ожидала позорная расправа. Разъяренные, ненавидевшие свою работу и нас, сирот, воспитальники хлестали мокрыми простынями по лицу провинившихся

на глазах у всех остальных. Надо ли говорить, что те, кто обладал крепким мочевым пузырем, награждали меня самыми обидными кличками и всячески измывались надо мной.

Но и это было еще не все. Меня почему-то били в детском доме все, кому не лень. Причиной этому был не только мой слабый мочевой пузырь – этим у нас страдала почти половина группы, но и моя необычная внешность. Слишком я был черняв, не такой, как все. В конце концов, из нормально-го мальчишки, каким я был сначала, детский дом превратил меня в замкнутого звереныша, озлобленного на весь свет.

Иногда мне все-таки удавалось ненадолго поверить в то, что моя жизнь может измениться к лучшему. Это бывало в те дни, когда одна из воспиталок, не такая сволочная, как остальные, усаживала меня к себе на колени и разговаривала со мной. В такие минуты мне казалось, что я вовсе не так одинок и несчастен, что есть человек, который относится ко мне по-хорошему. Она гладила меня по голове и рассказывала о том, как в праздничный день седьмого ноября мы все вместе пойдем на демонстрацию, будем нести красные флаги, а вокруг нас будут развеваться немыслимой красоты бумажные цветы и воздушные шарики. Я закрывал глаза и представлял себе эту праздничную картину. Я видел себя с зажатым в руке красным флажком, и воспиталку, которая держит меня за руку, и ребят, которые мне завидуют и которых в эти минуты я даже переставал ненавидеть. Эти мечты заставляли меня поверить в то, что все может измениться.

ся к лучшему, и я, затаив дыхание, снова и снова слушал ее рассказы о предстоящем празднике. Возникшая привязанность к этой женщине, возможно, и вернула бы мне доверие к остальным людям, если бы... Если бы она не предала меня.

В самый канун праздника у меня вдруг сильно разболелась голова. Наутро выяснилось, что я тяжело заболел, и мне необходимо сделать укол. Одна мысль об этом привела меня в ужас. Не то чтобы я боялся уколов – мне была ужасна и ненавистна сама мысль о том, что меня из-за этого не возьмут на праздник. В день, которого я так долго ждал, я был вынужден терпеть уколы вместо того, чтобы отправиться со всеми на демонстрацию! Весь в слезах, я вырвался из крепких рук медсестры и кинулся к своей любимой воспитательнице в надежде найти у нее защиту и спасение. Каково же было мое разочарование, когда вместо того, чтобы защитить, она строго меня отчитала, силой привела обратно к медсестре, да еще и держала за руки и за ноги, пока мне делали этот ужасный укол, лишавший меня моей мечты. После этого я возненавидел ее больше, чем кого бы то ни было. Она разбила во мне последнюю надежду, последнюю веру в людей! Не осталось никого во всем детском доме, к кому я мог бы испытывать что-то, кроме глухой, затаенной ненависти. Меня больше нельзя было обмануть – я не верил ни доброму слову, ни ласковому взгляду. Я был сжатой пружиной, готовой в любой момент распрямиться и ударить. Боль, причиненная предательством единственного человека, которому я

доверял, сделала меня очень осторожным. Я не хотел впредь никогда испытывать такого разочарования. Поэтому я усвоил простое правило: никогда ни к кому не привязываться, никому не доверять, никого не любить и ни на кого, кроме себя, не надеяться. Любая слабость, любое проявление доверия к другому человеку, как я понял, может обернуться лишь одним – беспомощностью и слезами бессилия, когда этот человек предаст тебя и отдаст в руки врага.

Так я отгородился от всех обитателей детского дома. Теперь все они – дети, нянечки, воспиталки, медсестры, – были для меня врагами, источниками потенциальной опасности. Я молча сносил издевательства, побои и насмешки, но, чем больше надо мной издевались, тем озлобленней я становился, и тем сильнее вызревало мое желание дать им отпор. И вот, наступил момент, когда накопленная за долгое время ненависть выплеснулась наружу.

Однажды мальчишки из старшей группы, как обычно, решили поразвлечься, и в качестве объекта издевательств выбрали меня. Они окружили меня во дворе после обеда и начали с тычков и подзатыльников, заранее уверенные в своем превосходстве и в моей незащитности и слабости. Они были уверены, что я, как всегда, стану плакать и просить у них пощады, что придавало их жестокому развлечению дополнительную прелесть. Неожиданно для себя, они натолкнулись на мой звериный оскал и... острый штырь, который я выпустил из рукава и зажал в руке. Я давно был готов к

такому повороту событий, поэтому, найдя возле забора короткий кусок арматуры, припрятал его до поры в рукаве; он очень удачно подошел мне по размеру, не вылезал из рукава и плотно держался под резинкой манжеты. Я с ним не расставался. Холод, который ощущала моя рука от соприкосновения с ним, придавал мне незнакомую раньше уверенность и чувство защищенности. Теперь я знал, что стоит только кому-нибудь из моих обидчиков напасть на меня, я распорю его этим штырем, просто уничтожу. Ненависть не оставляла мне выбора: вокруг меня были враги, и я готов был дать им отпор.

Тем не менее, один из этих пацанов, несмотря на мой угрожающий вид, набрался смелости и решил ко мне приблизиться. О, с каким наслаждением вонзил я острое железо в его пухлую ляжку! Он отпрянул и завизжал как поросенок, в глазах его застыл ужас при виде собственной крови. Я же испытал ни с чем не сравнимый восторг. Вид свежей крови, появившейся от моего удара на теле моего мучителя, привел меня в такое радостное возбуждение, которое я мог бы назвать оргазмом, если бы знал в том возрасте, что это такое.

После этого случая меня стали бояться, связываться со мной опасались, за мной закрепилась кличка «Дикий».

Чувство восторга при виде свежей крови было настолько сильным и мне так хотелось испытать его вновь, что потом, по ночам, когда меня никто не видел, я резал себе потихоньку живот или ноги, чтобы еще и еще раз насладиться

им. Однако, уже тогда, во время этих первых хирургических опытов самоудовлетворения, я понял разницу между суррогатным и истинным чувством: кровь врага, пущенная моей рукой, вызывала несравнимо более сильные эмоции, чем та, которую я пускал себе.

Глава пятая. Стас.

На следующий день, с утра, я направился к старому ученому на Васильевский острове. Уж очень мне не терпелось узнать, что расскажет старик о заинтриговавшей меня фотографии.

Я поднялся по обшарпанной лестнице старого дома, позвонил в выдавшую виды массивную дверь. Прошло несколько минут томительного ожидания, прежде чем вход в нужную мне квартиру отворился, и на пороге показалось странное существо. С большим трудом можно было определить, что оно когда-то принадлежало к мужскому полу. Теперь это был древний, неопрятный старик, чуть ли не с головой закутанный в лоснящийся, протертый плюшевый плед. Седые редкие волосы клочьями торчали у него на макушке, в нос мне ударил резкий запах лекарств и немытого старческого тела. Я был разочарован: этот человек вовсе не напоминал благообразного ученого на пенсии. Он походил, скорее, на выжившего из ума алкоголика, уж очень нервно подрагивали его руки, очень суетливо бегали глаза. Можно было подумать, что он кого-то или чего-то боится. Отворив дверь, Иван Петрович (так звали это существо) подал назад свою инвалидную коляску, в которой сидел, и, после того как я вошел, неожиданно бодрым голосом спросил:

– Чем обязан?

Я принялся долго и сбивчиво излагать причину своего визита. Вконец запутавшись, я вынул из нагрудного кармана фотографию талисмана, надеясь на то, что это упростит мою задачу:

– Мне вас рекомендовали, как самого крупного специалиста в этой области. Не могли бы вы, пользуясь вашими глубокими познаниями, расшифровать эти надписи?

В мгновение ока фотография исчезла в складках его пледа. Старик неожиданно быстро водрузил на нос очки, болтавшиеся, как оказалось, тут же, на допотопном засаленном шнурке, и стремительно покатил в комнату вместе с моей фотографией. Я с минуту постоял в прихожей, глядя на стремительно удаляющуюся коляску, не решаясь проследовать за хозяином. Чувствовал я себя крайне нелепо и неловко, как будто ворвался без приглашения туда, где меня вовсе не ждали. Да не просто не ждали, а, напротив, очень не хотели, чтобы я приходил. Но, с другой стороны, это моя фотография, и я имею право... Так и не дождавшись приглашения, я решил пренебречь этикетом и прошел в комнату, в которой скрылся старик.

Он сидел у окна, внимательно разглядывая изображение на снимке. На звук моих шагов он даже не повернул головы. Прошло минут пятнадцать утомительного молчания, пока старик не соизволил, наконец, взглянуть на меня:

– Итак, – повторил он свой вопрос, – чем обязан и с кем имею честь?

Как будто бы я только что не объяснял цели своего прихода! Пришлось снова, запинаясь, путано и сбивчиво, рассказывать то же самое по второму разу...

В обычной жизни я человек отнюдь не робкий. И тем больше я ненавижу себя за внезапные приливы робости, которые временами со мной случаются, заставляя меня путаться и сбиваться. Как будто детство вдруг напоминает о себе. Каждый раз, когда подобное со мной происходит, я чувствую себя школьником, не выучившем урок. В те далекие дни, когда учитель спрашивал меня, почему я не подготовился к занятиям, я вместо того, чтобы честно сказать о том, что забота о неумном семействе, отсутствие элементарных условий не позволяют мне дома делать уроки, придумывал самые фантастические объяснения, врал, будто учил, но ничего не понял. Врал, конечно, сбивчиво, краснея от стыда и унижения, получал свою «пару» и садился на место, сопровождаемый насмешливыми взглядами одноклассников. Я был готов слыть тупицей, оболтусом, лентяем – кем угодно, но только не нянкой, как это было на самом деле. Признаваться в этом мне казалось невероятно стыдно.

С той поры прошло много времени, теперь, мне кажется, я могу гордиться своим характером: когда надо, я умею быть твердым и давно уже избавился от стеснительности и робости. И потому сейчас, путано отвечая на вопрос старика, я испытал чувство раздражения, недовольства собой. Мне вдруг показалось, что я делаю что-то такое, на что не имею

морального права... Как будто подслушиваю чужой разговор или заглядываю в чужие письма.

Если быть кратким, опустить все мои многочисленные извинения и отступления от темы, рассказ мой сводился к следующему: разбирая хлам на антресолях, я наткнулся на старые отцовские папки, сохранившиеся со времен его службы в КГБ. В них оказались какие-то документы. Содержание этих документов меня крайне заинтересовало своей необычностью, и я решил выяснить, в чем там дело.

При упоминании о папках старик очень оживился. От его недоброжелательности не осталось и следа. Он будто что-то просчитал, принял какое-то решение, внимательно, с интересом взглянул на меня и спросил:

– Простите, но не мог бы я взглянуть на все материалы этого дела?

– А что там может быть любопытного для вас? – недоуменно ответил я. – К тому же, я не уверен, что имею право их вам показывать. Многие документы еще хранят гриф секретности. В такие вещи, я думаю, нельзя посвящать первого встречного.

На счет грифа секретности я, конечно, немного загнул. Уж если этот гриф не помешал папкам оказаться у нас на антресолях, среди старого хлама, то говорить о секретности, ясное дело, несерьезно. На самом же деле мной руководил элементарное правило: уж если что-то попало тебе в руки, не выпускай.

В ответ на мои слова старик очень сердито зыркнул на меня из-под кустистых бровей, резко развернулся в своей коляске и заявил на удивление молодым, решительным голосом:

– Значит так, молодой человек! Либо я вижу то, что содержится в ваших папках, либо я не перевожу вам надписи, которые держу перед глазами. Если вас они на самом деле интересуют – приходите в следующий раз со всеми бумагами вашего отца. Я не привык, чтобы из меня делали дурачка!

Он резким движением отдал мне фотографию обратно, одновременно с этим картинно указывая пальцем на дверь:

– Я вас больше не задерживаю.

Естественно, мне ничего не оставалось, как покорно ретироваться. Однако, уже подходя к двери, я остановился.

А чем, собственно, я рискую? Ничего не случится, если старик прочитает материалы допроса. Зачем корчить из себя тайного агента, играть в каких-то «казаков-разбойников», надувать щеки? Ведь, по большому счету, мною движет уж никак не государственный и даже не научный интерес, а всего лишь простое человеческое любопытство!

Я повернулся и крикнул в глубину пустого коридора:

– Ладно! Я принимаю ваши условия!

Услышав это, старик выехал из комнаты и приблизился ко мне:

– Я так и думал, молодой человек, так и думал.

– Завтра или, если угодно, даже сегодня я могу принести

вам все документы. Но, со своей стороны, я попросил бы, чтобы наши беседы носили конфиденциальный характер. Об этом никто не должен знать.

— Да уж, — как-то странно ухмыльнулся старик, — конечно! Отнюдь не в моих, да и не в ваших интересах сообщать об этом кому-то еще!

Это были его последние слова, после которых он вежливо, но решительно выпроводил меня и захлопнул дверь. Я еще некоторое время постоял на лестничной площадке, и с удивлением услышал, как за моей спиной начали греметь какие-то цепочки, поворачиваться замки. Создавалось впечатление, что старик, закрываясь на такое количество запоров, готовится к осаде крепости.

Странно... Когда он впускал меня, я вроде не слышал всех этих звуков... Чего он, интересно, так испугался? Красть в его нищей квартире, вроде бы, нечего, да и сам он вряд ли кому-то может понадобиться, кроме такого чудака, как я.

Списав эти странные предосторожности на обычную для стариков чрезмерную подозрительность и осторожность, я спустился по лестнице. Оказавшись внизу, я еще немного постоял в парадной, словно ожидая чего-то. Внезапно меня начали одолевать сомнения.

А не плюнуть ли мне на эту затею? Уж больно странным оказалось поведение старика. Не угрожает ли меня с этим дурацким снимком ввязаться в историю? Может, пока не поздно, забыть обо всем этом, да вернуться к своей привыч-

ной жизни, без всяких тайн и загадок?.. Что, у меня других дел, не хватает, что ли – причем не каких-то эфемерных, а вполне реальных, приносящих ощутимые результаты.

Так размышляя, я уже собирался покинуть подъезд, когда вдруг столкнулся нос к носу со странным взъерошенным человеком. Он был явно очень возбужден, потому что, буквально оттолкнув меня, стремительно помчался вверх по лестнице. Я хотел осадить грубияна, высказав ему все, что думаю о подобных манерах, но спина его уже скрылась за поворотом лестницы. Решив, что всех хамов все равно не перевоспитаешь, я счел за благо не заикливаться на этом эпизоде, вышел из подъезда и отправился восвояси.

Эх, знать бы тогда, всмотреться в того человека, заглянуть в лицо!.. Увы: лицо-то его как раз пряталось за высоко поднятым воротником плаща.

Я вернулся домой, где меня ожидал ворох старых папок... Они словно поддразнивали: ну, давай, разберись! Перспектива тащить все пять толстенных фолиантов меня совсем не вдохновляла, да и к чему они профессору? И я решил отобрать лишь те листы, которые, на мой взгляд, могут представлять для ученого интерес. Я вновь расшнуровал ветхие тесемки и погрузился в чтение. Листая документы, испещренные казенными, порой не очень грамотными записями, я старался найти хоть что-нибудь, хоть какую-то зацепку, объясняющую, что могло заинтересовать Логинова в этой грубо сфабрикованной чекистской казуистике. Но, увы! Заце-

питься было не за что. Сплошная рутина, описание каких-то вещественных доказательств – самый обычный допрос в духе своего времени. И грустно, и смешно, но даже химический карандаш предок мой счел едва ли не главным доказательством шпионажа – только потому, что карандаш этот был произведен иностранной фирмой, и на нем красовалось название этой фирмы, написанное латинскими буквами. А то обстоятельство, что подобный карандаш в то время можно было купить в любом канцелярском магазине, следовательно во внимание, разумеется, не принималось. А уж ботинки подозреваемого были и вовсе безжалостно истерзаны по причине необычной формы каблука – бдительные эксперты аккуратнейшим образом разрезали даже подошвы в поисках хитроумных шифровок (коих, естественно, не обнаружили).

Да неужели весь этот бред мог представлять хоть какой-то интерес?! Я почувствовал, как во мне нарастает раздражение. Какого рожна понадобилось старику в этих документах?! Ради чего гонять меня по всему городу – ради этой чепухи, которая не имеет никакого отношения к интересующему меня предмету? Блажь, самая настоящая стариковская блажь! В конце концов, он ведь историю майя изучает, а не историю борьбы коммунистов с классово чуждыми элементами! Тем более, что в этом нет никакого смысла – методы и приемы оной борьбы давно изучены, преданы гласности и описаны в популярной литературе.

Уже, наверное, каждый школьник знает, под каким пред-

логом партийная власть расправлялась с людьми: «классово-чуждый элемент», «преклонение перед буржуазным образом жизни», «упаднические настроения», «сочувствие кулакам», «враг народа»... Причем, при желании, любой из этих ярлыков можно было приписать всякому человеку. Отсюда и всеобщий страх перед «черными воронками». Сознание того, что ты ни в чем не виноват, что ты чист перед властью, перед партией, что ты предан идеям коммунизма, еще не означало, что тебе не грозит арест по какому-нибудь нелепому, абсурдному обвинению.

Да царская охранка по сравнению с таким «правосудием» просто венец гуманизма! Она преследовала лишь за совершенные преступления против граждан и власти: убил, ограбил, разбрасывал прокламации, покушался на царя... Да что там говорить! При царе революционеры не вынесли и сотой доли тех репрессий, которые произошли при советской власти – партийные бонзы в Советском Союзе предпочитали не дожидаться активных действий, безжалостно расправлялись с людьми, едва заподозрив их в инакомыслии.

Вместо священной веры в Бога людям подсунули кумачовый суконный идол – коммунизм с его бесконечными вождями. Думали создать новую религию, новую идеологию, а что получили? Пропагандируемый атеизм превратил людей в безбожников, а коммунизм оказался несостоятелен, чтобы стать новой национальной идеей. И не то страшно, что перестали верить в Бога – страшно, что разуверились во всем.

А между тем все нравственные общечеловеческие ценности не могут существовать без веры. Неважно, во что – в Бога, в мировой разум, в бессмертие души... Вера дает человеку нравственную опору, поддерживает в трудные моменты, когда душа его мечется на перепутье, подсказывает верный выбор. Не убивать, не красть, чтить отца и мать – эти заповеди в той или иной форме присутствуют в любой мировой религии. Коммунизм заменил этот стержень рабством и страхом – и получил в ответ лишь видимость преданности. Люди лишь делали вид, что искренне верят в навязанные им идеалы – на самом деле они просто боялись репрессий. Вот что было пагубно.

Народ вдруг обнаружил, что в своей стране он вообще никто и ничто, раб у партийных и государственных чиновников. Люди, проливавшие кровь на полях гражданской войны, вернувшись домой, осознали, что не получили свободы, за которую боролись. Поняли, что вынуждены дрожать за свою жизнь, находиться в постоянном страхе перед теми, кого они привели к власти. Боялись лишнее слово сказать. Та самая идеология, во имя которой они боролись, превратила их в рабов. И обожествила вождей. Впрочем, понимали это далеко не все. Сознанием людей манипулировали, им изо дня в день внушали, что живут они в самой счастливой, самой свободной стране.

Фантасмагория многостраничного дела Гонсалеса – прекрасный портрет своей эпохи! Я захлопнул папку. Снова, как

и в первый раз, накатила волна стыда и отвращения. Сын за отца не отвечает... Но почему, почему же тогда мне, сыну, так жгут руки эти документы – безмолвные свидетели несправедливой деятельности моего отца. Противно! Хоть родитель и не уделял мне много внимания, но в моей памяти он остался достойным человеком, которым я втайне очень гордился. Сильный, уверенный, смелый, всегда спокойный и рассудительный, справедливый – таким он казался мне в детстве. Теперь я вижу, что был он всего лишь пешкой, нудным следователем, «следаком». Старательным исполнителем, служакой, в котором начальство ценит не ум, а лишь безоглядную преданность. Натасканной шавкой, гонящейся по следу хищника, который, по сути, оказывался не опасным зверем, а лишь беззащитной драной уличной кошкой. Тоскливо...

Удрученный прочитанным, но так и не нашедший абсолютно ничего, достойного внимания Ивана Петровича, я все-таки заставил себя отобрать несколько листов – из протоколов допроса подследственного и описание изъятых предметов.

На следующее утро профессор принял меня гораздо любезнее. Его волосы, по обыкновению торчавшие космами, были аккуратно зачесаны; покрывавший ноги плед казался не таким уж ветхим. Хотя, возможно, это мой взгляд стал другим: узнавая человека ближе, мы склонны по-иному воспринимать и его облик.

Иван Петрович с неожиданным для своих лет провор-

ством выхватил у меня сверток и спросил:

– Как у вас со временем?

Если хочешь что-то выяснить, терпение – лучший помощник.

– Подожду, сколько нужно, – ответил я, опускаясь на выдавший виды диван.

Ученый вдумчиво просматривал бумаги, по-стариковски неторопливо шелестел страницами. Устав разглядывать корешки книг на стеллажах и потемневшие от времени гравюры на стенах, я начал потихоньку клевать носом.

– Простите, но вы принесли далеко не все документы! – нарушил тишину возмущенный возглас, и передо мной возникло лицо Ивана Петровича.

Вот, что называется, хотел как лучше...

– Да зачем вам все папки-то? – оправдывался я. – Я ж их смотрел: чистой воды мура. Более-менее толковое выбрал, дальше там нудный допрос свидетелей, бывших соседей этого бедолаги Гонсалеса. Причем все сфабриковано, это за версту видно. Еще допрос жены – видать, порядком запуганная простая женщина. А больше ничего там, поверьте, нет.

– Это с вашей точки зрения ничего нет! – недовольно скривился ученый. – А я говорю, что документов не хватает!

– Помилуйте, снова тащиться через весь город за парой листов старой бумаги?! Я и так замучился в пыли копаться. Или вы считаете, что я имею какое-то отношение к этому делу, к осуждению и гибели этого человека? Тогда вы глубоко

ошибаетесь. Да я, к вашему сведению, вообще не подозревал о его существовании! Если бы не эти отцовские папки... Но сын за отца ведь не отвечает, не так ли? Да и мой отец, по большому счету, не может отвечать за то, что его заставляли делать!..

Я проговорил все это с пафосом и в то же время с раздражением, но Иван Петрович взглянул на меня так, что я осекся. В его взгляде не было осуждения или недовольства – лишь глубокая печаль, заставившая меня в смущении отвести глаза. Он с минуту молчал, а после заговорил слегка изменившимся голосом.

– Вот и вы, молодой человек, стали жертвой этого печального всеобщего стремления – любой ценой избежать ответственности. Видите ли, в какой-то мере то, что вы говорите, оправдывая своего отца, верно. Но лишь на первый взгляд. Мы привыкли оправдывать свои неблагоприятные поступки необходимостью, принуждением, ситуацией в стране, да мало ли чем еще... Все это лишь пустое сотрясание воздуха, пыль. В глубине души каждый знает, что всегда есть выбор, всегда можно поступить вопреки любому давлению и любым обстоятельствам, если слушать голос собственной совести. Но этот голос причиняет нам боль, заставляет выбирать трудный и тернистый путь, поэтому мы предпочитаем придумывать оправдания. В этом наша беда. Если бы люди в нашей стране хоть иногда признавали вину за свершившиеся события, брали на себя ответственность хотя бы за то, что

были безмолвными соучастниками преступлений, не пытаюсь им противиться – я уверяю вас, мы жили бы сейчас в совершенно другой России. Но мы не хотим признавать своего участия в исторических ошибках, перекладывая ответственность за них на плечи давно ушедших из жизни персон. Мы ничему не учимся, и история мстит нам за это, вновь и вновь заставляя повторять пройденные, но не усвоенные из-за лени души, уроки.

Вот вам простой и не такой уж далекий пример: в репрессиях тридцатых годов, по весьма распространенному в обществе мнению, виноваты два человека: Сталин и Берия. Ну, может быть, еще Ежов с Ягодой. А что же остальные, имя которым – легион?! Если бы, по-пушкински, «народ безмолвствовал» – еще бы полбеды. Так ведь нет! Вы-то сами, голубчик, столкнувшись лицом к лицу с этой давней историей, вы можете мне сказать, кто заставлял всех этих свидетелей, соседей, давать обвинительные показания?! Что это за каинова ненависть, толкающая людей с какой-то порочной страстью топить друг друга? Не избивал же Сталин лично весь народ! Отнюдь: доносы сочинялись вдохновенно, я бы даже сказал, с исполнительским восторгом. Впрочем, кое в чем вы правы: меня эти показания, как таковые, интересуют меньше всего.

Тут профессор остановился и посмотрел на меня:

– А хотелось бы мне на самом деле узнать, нет ли в документах, в бумагах вашего отца каких-либо признаков верховного происхождения Гонсалеса.

Мне показалось, я ослышался.

– Чего, чего? Не понимаю, о чем вы. Какое еще может быть верховное происхождение?! Какие такие признаки?!

– Успокойтесь, юноша, и выслушайте меня внимательно. То, что я сейчас вам скажу, должно остаться строго между нами. Признаться, хранить тайну уже не имеет смысла. Возможно, узнав истину, вы сумеете что-то предпринять, изменить в лучшую сторону. Вы – энергичный человек, к тому же честный, я это вижу, и пришли ко мне без тайного умысла, иначе не принесли бы документы. Конечно, советская власть наложила и на вас свой отпечаток, выработала определенные комплексы, привила какой-то непонятный страх. Поэтому прежде, чем начать свой рассказ, хочу, чтобы вы уяснили: все условности советского быта, повседневной жизни, – ничто по сравнению с вечностью. К сожалению, люди, только подойдя вплотную к грани, отделяющей их от небытия, начинают сознавать всю ничтожность, глупость и нелепость убеждений, за которые они когда-то цеплялись.

Вы, возможно, слышали или читали о том, что в предсмертный миг перед мысленным взором человека проносятся вся его жизнь. Не спрашиваю вас о том, верите вы в это, или нет. Это правда. Все наши мелкие действия и поступки перед лицом вечности тщетны и бессмысленны. Лишь значительное имеет ценность. И лишь самые главные события вашей жизни вам представится возможность вновь увидеть и оценить. Как на киноэкране, перед вами пронесется ваша

судьба. С единственной целью – дать возможность человеку подытожить жизнь. Себя. Понять, кем он был. И самое страшное, что может случиться в этот миг с человеком – осознание того, что жизнь его прожита напрасно... Знаете легенду о Пер Гюнте? Он не был ни плохим, ни хорошим. Он жил так, как складывались обстоятельства. Подчиняясь этим обстоятельствам, он совершил немало подлостей, но, когда пришел его час, выяснилось, что он не заслужил ни кары, ни награды. Он оказался ничем. Пустым местом. Пуговицей.

Предсмертное прозрение – это Великое чистилище и Страшный суд.

Ведь как считает большинство? Пока жив – следуй сиюминутным целям, добивайся тех благ, что предоставляет земная жизнь. А о вечности можно спокойно поразмыслить на смертном одре. А если в погоне за земными благами ненароком пошел на сделку с совестью... Перед смертью будет время покаяться. Во всяком случае, вечную жизнь, с точки зрения любой религии, купить себе просто...

Это глубочайшее заблуждение!

Старик взглянул на меня, и мне почудился странный лихорадочный блеск в его глазах.

– Нет ни рая, ни ада. Нет никакой кары или награды. Жизнь за чертой, отделяющей нас от смерти, есть лишь более совершенное продолжение земной жизни, продолжение в буквальном смысле слова. По физическим законам душа на том свете получает свое место в точном соответствии с ка-

чествами, выработанными на земле. Приверженность к той или иной религии и вовсе не имеет значения. По ту сторону нет учений. Есть лишь единое для всех правило – ты существуешь таким, каким сам себя создал. Если человек в земной жизни не дал развития своей душе, не воспитал ее, то в небесной он просто исчезнет, поскольку лишь дух человеческий, а не тленная плоть, имеет право на вечность.

Рассказываю вам все это, чтобы вы наконец-то поняли, что всевозможные «принципы» меня мало волнуют.

Знаю, вы боитесь услышать обвинения в адрес своего отца – я и не стану очернять его. Вы отчасти правы – он был всего лишь винтиком большого механизма. Да только винтиком этим управляла не советская власть даже, а, если хотите, дьявол в полном своем обличье.

От неожиданности я отшатнулся.

Сбрендил, поди, старик и мне хочет голову задурить мистикой. Только этого не хватало!

Иван Петрович ухмыльнулся, заметив мое невольное движение:

– Ну-ну, не подумайте, что я стану рассказывать разные мистические истории про чертовщину, избави меня Бог. Дьявол – это образное понятие, символ зла, всегда существовавшего в мире наряду с добром. Вот, к примеру, большевики в России только отчасти утвердились грубым физическим насилием, куда большее насилие было совершено над христианским духом народа – деревенского, по преимуществу, в

то время. Это был грандиозный обман, выстроенный на со-
вестливости и стихийной коммунистической сентименталь-
ности, свойственной каждому чистому сердцу.

«Советская власть есть путь, найденный массами трудя-
щихся, а потому – верный, а потому – непобедимый». Как
бы не так! Путь-то этот через социализм в коммунизм, – под
кнутом государственной власти, – изобрели прибравшие эту
власть к рукам большевики. Так сказать, привнесли револю-
ционную теорию в сентиментальное сознание народа, верив-
шего в «божественную справедливость». И вы ошибаетесь,
думая, что зло абстрактно и безымянно. У него есть имя –
так же, как и у добра. Такого мнения придерживаюсь не толь-
ко я, так рассуждали и предки невинно убиенного челове-
ка, у которого остался талисман. Только талисман-то... – он
смолк, задумавшись.

– Что – талисман? – не смог я удержаться, выдав свое
нетерпение.

– Да вот, – казалось, он все еще сомневается, доверять ли
мне то, что знает. Наконец, словно что-то взвесив и приняв
решение, он продолжил: – Видите ли, талисман у него был
не весь. Я полагаю, что именно в этом кроется разгадка то-
го, почему беднягу так долго пытали большевики и из-за че-
го расстреляли, не добившись ответа. Гонсалес владел лишь
фрагментом, используя который, можно было восстановить
весь талисман.

– Вы считаете, что его расстреляли из-за этого фрагмента?

– Другого объяснения я не нахожу. Вы ведь понимаете – дела в НКВД, в КГБ фабриковались очень быстро. Допрос, признание, суд, приговор – заведомо невиновные люди отправлялись в лагеря в считанные недели. Для чего Гонсалеса так долго допрашивали? Зачем затягивать следствие, исход которого всем известен и predetermined? Я вижу лишь одно объяснение – им нужна была тайна талисмана.

– Да что же это за талисман такой? – нетерпеливо воскликнул я.

– О! – старик мечтательно закатил глаза. – Это знаменитая, превратившаяся в легенду, вещь. Немногие знают о ее существовании, но и среди тех, кто знает, еще меньше верят, что это не миф, а реальность. Название талисмана – «Тайна вселенной». Древние майя считали, что человек, который сумеет собрать все элементы «Тайны вселенной» и наденет талисман на себя, будет вознагражден великим прозрением и осознанием сущности бытия. Лишь одна, очень древняя каста жрецов майя была причастна к этой тайне и ревностно охраняла ее. Когда явились испанские конквистадоры и жрецы увидели, что конец цивилизации майя близок, они, спасая свою святыню, разослали сегменты талисмана в разные концы света. Собрать их воедино, воссоединив разрозненные части, способен лишь человек, обладающий чистыми помыслами и стремлением к постижению истины.

Старик снова замолчал, глядя в пространство, задумавшись о чем-то своем, а я никак не мог понять – верить ему

или нет? Вся эта история с талисманом очень напоминала бесконечные фильмы про Индиану Джонса и выглядела фантазией старого чудака, настолько влюбленного в свою профессию, что легенды смешались в его сознании с действительностью. Но ведь факты! Факты говорили о том, что чекисты действительно интересовалось талисманом. Неужели...

– Не обольщайтесь, – вдруг вновь заговорил профессор, по-своему истолковав мое молчание. – Ни мне, ни вам собрать талисман не под силу. Увы! Нить божественного недоступна тому, кто стоит у подножия духа. Мне, вероятно, уже не успеть – моя жизнь на исходе, а вы еще можете попытаться достигнуть вершин, с которых откроется путь к соприкосновению с божественной истиной. За свою долгую жизнь я знал немногих, достигших такой высоты духовности. Пожалуй, Дмитрий Сахаров, – я хорошо знал его, – смог бы. Я видел его глаза, его осанку, его спокойную уверенность – наступил момент, когда, презрев все тяготы и страхи окружающего мира, он перестал бояться. Ничто не могло нарушить его воистину высокого душевного покоя: ни бытовые злоумышленники – он никогда не запирал дверей своего дома, ни давление властей – он всегда говорил и делал лишь то, что считал истинно важным. Вокруг него почти физически ощущалась потрясающая аура – аура духовного света и очищения. Возможно, он был избранным... Но он ушел. Так же, как ушли равные ему по силе духа академик Лихачев и протирей Александр Мень... Вероятно, зло не терпит сильных

противников. И старается избавиться от тех, кто обнаруживает в себе отголоски верховного происхождения...

Я думаю, что с тех пор, как расстреляли Гонсалеса, фрагменты талисмана так и не были найдены, поэтому восстановить весь круг «Тайны вселенной» нельзя.

– Послушайте, – поинтересовался я, – но ведь вы говорите, что о талисмане известно лишь очень немногим людям! Я понимаю – вы ученый, всю жизнь посвятили изучению культуры майя, поэтому вам стало о нем известно. Но откуда о нем узнали в КГБ?

Старик усмехнулся:

– Не обижайтесь, молодой человек, но вы, я вижу, полагаете, что в советской России все были лишь тупыми винтиками, не способными к аналитическим разработкам. Отнюдь. Существовал целый научный отдел, занимавшийся разнообразными древними тайнами и символами. Его задачей было изучение и, по возможности, использование тайных знаний на пользу правящей коммунистической элиты. В нем, в режиме строжайшей секретности, работали специалисты высочайшего класса. Они приходили и ко мне...

Старик сокрушенно покачал головой.

– Старый болван! – резко продолжил он. – Тогда, увидев фотографию фрагмента, – ту самую, что принесли мне вы теперь, спустя столько лет! – я с головой ушел в его изучение. Я проделал огромную работу, по крохам собирал информацию, любые упоминания о талисмане. Закончив свои иссле-

дования, я сам, собственными руками, отдал тайну талисмана в руки этих людей из КГБ. Я так гордился своим открытием! Если бы я знал тогда!..

Он с горечью взглянул на меня.

– Если бы я знал, что моя научная тайна, мой кабинетный секрет – не древняя, посыпанная пеплом веков история, а живая плоть, реальная среда, в которой, по сей день, живут и – по моей вине! – погибают люди. Прошли долгие годы, прежде чем я понял, какую ошибку совершил, передав сокровенное знание в «чистые руки» чекистов. Одно утешает меня на склоне лет: несмотря на страсть и стремление к мистике всех диктаторских режимов, не добившись от Гонсале-са никаких разъяснений, без которых невозможно было собрать талисман, о «Тайне вселенной», по-видимому, забыли. Поставили на ней крест, сочли погоней за призраком. В противном случае папки с важнейшими материалами уголовного дела не пылились бы сейчас у вас дома.

Утомленный длинным разговором, профессор откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Вдруг, словно что-то вспомнив, он оживился и спросил:

– Да, забыл поинтересоваться – как поживает ваш отец?

Обескураженный неожиданным вопросом, я пробормотал:

– Он умер двадцать лет назад...

– Умер... – задумчиво повторил Иван Петрович, как будто удостоверившись в чем-то. – Да, – помолчав, добавил он, –

к сожалению, это естественный процесс.

– Никакой не естественный, – неожиданно для самого себя вспылил я. – Он погиб в расцвете лет!

Не обращая внимания на мою несдержанность, Логинов невозмутимо продолжал:

– Вот как? Погиб? Следовало бы уточнить, каким именно образом погиб ваш отец. Вы не помните? Может быть, слышали подробности от матери?

Я задумался, вдруг осмыслив, что за все годы, прошедшие с момента смерти отца, никогда не задавался всерьез вопросом о причинах его смерти. Принял все, как должное.

– Я и сам не знаю, как он погиб, – растерянно ответил я. Вопрос старика всколыхнул во мне давние воспоминания. С трудом, словно восстанавливая по крупицам обрывки давних событий, я продолжил:

– Когда это случилось, я был в институте. Меня вызвали в деканат, сказали, что, якобы, звонила моя мать, и мне срочно нужно приехать домой... У дверей нашей квартиры стояли двое в хорошо знакомой мне серой форме. Меня это несколько не удивило – отец носил точно такую же, но при взгляде на их мрачные отчужденные лица я вдруг испугался. Я помню, что первой моей мыслью было предположение о том, что отца арестовали. Мои руки мелко тряслись, когда я протягивал чекистам свой студенческий билет для проверки личности. Но, к моему удивлению, выражения их лиц при взгляде на мой документ изменились, стали доброжелатель-

ными и, как мне показалось тогда, даже сочувствующими... Это еще больше насторожило меня.

Я говорил медленно, словно входя в гипнотический транс. Каждая произнесенная фраза все глубже погружала меня в те далекие события, с неожиданной ясностью рисуя прошлое в мельчайших подробностях и деталях. Потеря отца была первой утратой в моей жизни, первой серьезной грозой посреди казавшейся безоблачной юности. Тогда, подавленный внезапно обрушившимся горем, я не обращал внимания на детали. Но подсознание, как оказалось, фиксировало все с фотографической точностью, и вот теперь, спустя многие годы, в памяти ярко осветилось то, что когда-то ускользнуло от внимания.

... Мы вошли в мрачное помещение больничного морга. Повсюду царил холодный сумрак и, что самое невыносимое – специфический запах смерти. Запах, от которого у меня мгновенно закружилась голова, заложило уши. Он словно лишил меня воли – ноги сделались ватными, и ни в какую не желали сделать и шагу в глубь узких сумрачных коридоров. Двое «сфинксов», сопровождавших меня, заметив мое состояние, подхватили меня под руки и быстро, по-деловому, буквально пронесли сквозь коридорный лабиринт, в конце которого просто ткнули лицом в больничную каталку – на ней лежало что-то, накрытое белой простыней. Подле каталки стоял, дожидаясь нашего прихода, высокий сухопарый человек с иссушенным, обтянутым желтой кожей лицом. Без

вступлений и реверансов он отрывисто спросил:

– Вы узнаете его? – и откинул простыню.

В скупом свете тусклой лампы я с ужасом узнал в человеке, лежавшем на каталке, своего отца. Ледяным холодом обожгло душу – нет, он не был изранен, на простыне не видно было ни единой капли крови – но его лицо! Невозможно вытравить из памяти, из сердца жуткую картину: родные, близкие черты остались прежними, но, вместе с тем, изменились до неузнаваемости. Закрытые глаза, нехарактерно сомкнутые, словно насильственно сжатые, губы... И чудовищная, нереальная синева кожи. Не мертвенная бледность, о которой упоминают, когда речь идет о покойнике, а буквально: противоестественный синевато-белый цвет.

Потрясенный увиденным, я прошептал непослушными губами:

– Что?... Как?... Почему?..

Мир покачнулся, перед глазами поплыли лица моих сопровождающих, стены морга, одинокая лампочка на иссеченном глубокими трещинами потолке... Резкий запах нашатыря, металлический голос:

– Так вы опознаете этого человека? Кем он вам приходится?

– Да, я узнаю его. Это мой отец, – еще не до конца осознавая произошедшее, оставаясь где-то на грани между реальностью и обмороком, ответил я. Так же автоматически, подчиняясь лишь необходимости и железной воле того, кто за-

давал мне вопросы, я назвал имя, отчество и фамилию отца.

– Подпишите, – ко мне придвинули какой-то бланк, дали ручку. Не глядя, я подписал документ, продолжая твердить одно и то же:

– Что случилось? Как? Что произошло?

Никто не хотел мне отвечать. Тогда, в отчаянии, я вцепился в халат собравшегося уже уходить судмедэксперта:

– Ответьте же мне! Отчего он умер?! Как это могло произойти?!

– Мужайтесь, молодой человек, – глядя куда-то в сторону, ответил тот. – У вашего отца было больное сердце, – он слегка наклонил голову, коротким движением коснулся моего плеча.

Я опустился на жесткую скамью у стены, опустошенный, обессиленный. Больное сердце? Не может быть! Еще сегодня утром мы вместе выходили из дома. Отец выглядел, как всегда – чисто выбрит, подтянут, бодр. Моложавый человек со стремительной походкой – кто мог заметить в нем хотя бы намек на скрытую болезнь? Да и не жаловался он никогда на сердце.

Запах нашатыря все еще преследовал меня. Ужас внезапной потери смешался с еще неосознанным до конца страхом за будущее. Что станет теперь с мамой, со всей нашей семьей? Ведь отец, по сути, был единственной опорой: он содержал нас всех. Страшно представить, что ожидает всю нашу ораву и совершенно безвольную, давно нигде не работа-

ющую, мать.

– Где мама? – спросил я.

Эксперт, все еще сжимавший в руках склянку с нашатырем, присел рядом со мной на скамью:

– Мы подумали, что будет лучше, если сперва мы вызовем вас. Вы уже взрослый человек, мужчина. Вы должны взять себя в руки. Вам необходимо подготовить мать к этому страшному известию, поддержать ее, не позволить ей сломаться от горя...

Я ничего не чувствовал, кроме страха и отчаяния. Я почти не слышал его слов, но он продолжал:

– Вы понимаете, что работа вашего отца была очень напряженной, он всю жизнь трудился в органах. Он отдавал делу все свои силы, работал на износ. Вы должны понимать, что характер его работы был таков, что нам не хотелось бы привлекать слишком много... создавать вокруг этого печального события слишком много шума...

– Да, – вступил в разговор пожилой военный (я даже не заметил, когда и откуда он появился). – Наши люди гибнут, но мы не должны отчаиваться! Напротив, во имя их памяти мы должны еще крепче сплотить свои ряды, чтобы не позволить врагу через них прорваться!

Как ни странно, его дурацкая пафосная речь, которая в другое время не вызвала бы у меня ничего, кроме ироничной усмешки, придала мне сил. Однако ноги по-прежнему оставались ватными: я не чувствовал в себе сил ни поднять-

ся, ни сделать шаг.

Стоило мне прикрыть глаза – воображение беспощадно воспроизводило только что увиденную ужасающую картину, видение не оставляло меня ни на секунду, не позволяя хоть немного отвлечься, прийти в себя. Бледный и беспомощный отец на каталке... Как отработанный и ненужный материал. И этот невозможный, немыслимый цвет лица – не лица даже, а странной маски. Grimаса смерти – словно бы насмешка над теми, кто остался жить.

Мы с отцом никогда не были особенно близки, но именно тогда, сидя в коридоре больничного морга и едва сдерживая рвущиеся наружу рыдания, я осознал, что вместе с его уходом рушится и вся моя прежняя жизнь, которую отныне мне придется строить самостоятельно. И, возможно, заново...

Внезапная мысль, словно молния, озарила теперь давние воспоминания. А почему, собственно говоря, смерть отца окутали такой таинственностью? Когда человек погибает на рабочем месте от сердечного приступа – это, конечно, трагедия. Но такое случается не так уж редко и, как правило, в подобных случаях не возникает необходимости опознавать личность умершего. Если они знали, что умер их сотрудник, то к чему это опознание? Почему не вызвали немедленно родственников? Почему скрыли от матери?

Все эти вопросы появились только теперь. Тогда же, неопытный и потерявший способность соображать от обрушившегося на меня горя, я даже не заметил этих странных

несоответствий. Да если бы и заметил – посчитал бы, что такие действия в порядке вещей. Нечто вроде необходимых формальностей.

Вспомнилась и еще одна деталь. Пожилой военный, который взял на себя обязанности по улаживанию всех формальностей и организации похорон (отца хоронили с военными почестями, с почетным караулом и оружейными залпами над могилой), подошел ко мне, когда мы возвращались с кладбища и, приобняв, вкрадчиво сказал:

– Я разделяю твое горе, сынок. Все мы скорбим. Твой отец был хорошим человеком, верным ленинцем и надежным боевым товарищем. Но я хотел бы спросить тебя вот о чем, – он сделал паузу, продолжая медленно вышагивать рядом со мной, стараясь попасть в такт моим шагам. – Не осталось ли у вас дома каких-либо отцовских документов, которые по неосторожности могут попасть на глаза врагу? Ты проверь, сынок. Может, тебе это покажется непонятным и ненужным, а между тем в руках врага любой документ со стола твоего отца может стать грозным оружием против нашего с тобой отечества.

В то время подобные слова действовали сильно. Нас с детства приучали, что есть такой неведомый враг, который только и ждет, когда мы потеряем бдительность, чтобы нанести сокрушительный удар. Теперь я понимаю, что этот «враг» был чем-то вроде коммунистической страшилки, сказки про Буку, которой родители пугают на ночь своих непослушных

детей. Но тогда, конечно, я с жаром поклялся памятью отца, что верну все, что смогу найти – любые бумаги и документы. Тем более, что военный был прав – мне они были ни к чему, а дрожать за их сохранность мне не очень-то хотелось. Я попросил у него только подождать два-три дня – копаться в отцовских вещах сразу после его похорон мне было неловко.

Стол отца был девственно пуст. Не то, что документов – даже чистой бумаги для записей, и той не оказалось. Я сообщил об этом тому самому пожилому, он хмыкнул, пожал плечами, больше не стал ни о чем спрашивать. На том и закончилась вся эта странная история.

Отголоском той трагедии осталась лишь маленькая заноза, навсегда засевшая в моем сознании. Она заставляла меня всегда обращать внимание на лица покойников, если мне доводилось их видеть. Лица эти неизменно были, что называется, смертельно бледными. Но не синими, как у отца! Всякий раз, вспоминая об этой странной детали, я списывал все на специфическое освещение в морге и на собственное шоковое состояние. Но хоронили отца почему-то в закрытом гробу... Сказали, правда, что эта мера вызвана исключительно заботой о маленьких детях, которые присутствовали на похоронах. Мол, малышам навсегда впечатываются в память лица покойников, ни к чему травмировать хрупкую детскую психику. Пусть лучше все, кто его любил, запомнят его живым – на эту тему над гробом было сказано немало красивых слов. Ничему я не придавал тогда значения.

И сейчас, восстановив в памяти прошлое, медленно произнес:

– Да, мой отец умер. Умер своей смертью, от сердечной недостаточности. Думаю, ничего интересного для вас тут нет, и... – я запнулся, натолкнувшись на полный иронии взгляд профессора, сидевшего напротив.

– Именно так, молодой человек. Именно так, – закивал он. Я недоуменно поднял брови.

– Именно так это и называлось в те времена: «острая сердечная недостаточность», – пояснил он, отвечая на мой немой вопрос. – Всего один укол – и человек умирает от острой сердечной недостаточности. У нас она половину Политбюро, помнится, скосила... Чего уж говорить о простых служаках!

– Не смейте! – я задохнулся от нахлынувшего гнева, хотя и сам не мог понять, чем вызван этот внезапный гнев, почему так задели меня слова профессора. – Слышите?! Не смейте так говорить! Я не хочу обсуждать смерть моего отца в таком тоне! И свои сомнительные домыслы можете оставить при себе! Каким бы ни был мой отец, он не вмешивался ни в какие грязные игры. Он свято верил в свое. К сожалению, он не щадил себя, очень много работал, в этом и только в этом причина его преждевременной смерти!

Логинов с грустью посмотрел на меня:

– Простите, если обидел. Бог с ним. Как говорится, мертвых не воскресишь. Но я все же хочу вам сказать, для че-

го мне понадобились все документы. Мне необходимо было выяснить: неужели кто-то, имевший отношение к тайной касте жрецов майя, имел неосторожность жить в России в столь смутное и опасное время? К своему глубокому разочарованию, я вынужден признать, что так оно и было. Почему к разочарованию? Потому что горько и обидно, что представитель уникальнейшей древней культуры, быть может, единственный носитель ее тайных знаний, Гонсалес Ачамахес, так нелепо погиб в застенках КГБ. К моему прискорбию, в мировой истории такой порядок вещей не исключение, а, скорее, правило. Стоит на Земле появиться мессии, как его сминает под своими колесами грузовик, вывозящий нечистоты с соседней фабрики. В этом-то как раз нет ничего удивительного. Жаль лишь бессмысленно и бездарно погибающих людей, предназначение которых заключалось в том, чтобы помочь духовному развитию нашего несовершенного мира. Хотя, если смотреть на вещи здраво, что, в конце концов, мог сделать Гонсалес? Наверное, в его понимании, он делал то, что было ему по силам... Но в мировом масштабе – ничего. Скорее всего – ничего. Однако, знаете ли, молодой человек... – ученый испытующе посмотрел на меня, словно ожидая какого-то знака или ответа.

Я молчал, не зная, что сказать.

– Как вы и просили, я все же поработаю с фотографией, которую вы принесли, – продолжил он после паузы. – По ней опишу содержание и смысл каждого сегмента утерянного та-

лисмана. Пусть это описание хранится в вашем доме как... семейная реликвия. Мне кажется, вы уж простите меня за такое предположение, что странная смерть вашего отца связана именно с этими документами, — он кивнул на доставленные мной бумаги, — а, в конечном итоге, и с камнем-талисманом. Настоятельно советую вам, оставьте мне только фотографию, а остальные документы, в том числе и те, что остались у вас дома, соберите и сожгите.

С этими словами старик вынул из кипы листов черно-белую карточку с изображением странного камня.

— Пожалуйста, послушайтесь моего совета! — продолжил он. — Чем быстрее вы избавитесь от документов отца, тем лучше будет для вашей же безопасности. Не удивляйтесь и не спорьте. Я слишком давно живу на свете, да и предмет моего научного интереса — история, так что я, как никто, знаю, что даже из-за гораздо менее важных вещей порой погибали целые народы. Люди, которые охотились за «Тайной вселенной», полагали, что обладание талисманом принесет власть и деньги. Поэтому они не останавливались ни перед чем. Нет никаких гарантий, что не осталось человека, который не потерял надежду завладеть реликвией, и продолжает поиски. Боюсь, вся эта история еще не канула в Лету, поэтому поскорее забудьте все, что я вам наговорил, и не пытайтесь когда-нибудь вспомнить. Для вашего же блага и спокойствия. Ну, а за своим описанием зайдите денька эдак через два-три. Постараюсь его подготовить.

Мы стояли в сияющем разреженном воздухе, белые хитоны тяжелыми складками ниспадали с наших плеч. Мы молчали, внимая словам Верховного жреца. Выражение его лица было сурово и торжественно. Он обвел нас всех тяжелым взглядом, в котором сквозила глубокая мудрость и горькое знание, и каждый, встретившись с этим взглядом, потупился.

— Братья мои, — раздался в тишине его гулкий голос, — я вижу приближение конца нашей цивилизации. Планета, на которой мы столь прекрасно жили многие тысячелетия, стремительно изменяется, и мы исчезаем, один за другим. Мне страшно не оттого, что я перестану существовать. Страшно другое — разум, который мы создали и ради совершенствования которого трудились, не покладая рук, исчезнет вместе с нами. Человекообразные существа, задуманные и созданные нами как носители этого разума, превращаются в нечто бездуховное и неуправляемое. Жажда знаний в них слабеет с каждым днем, уступая место жажде наживы и непрерывного потребления. Я думал, мы создаем уникальную форму жизни, в которой душа соединится со знанием, плоть с духом и вместе они поднимут человека на недостижимые высоты просветления, счастья и гармонии. Я с горечью признаю, что я ошибался. То, что представляют собой сейчас люди, больше напоминает мне обезьян — те самые биологические матрицы, в которые мы на-

саждали разум в самом начале наших опытов. Инстинкты, владевшие обезьянами, по-прежнему руководят людьми, и никакой разум не в состоянии их перебороть. Побеждают жажда наживы, зависть, похоть, гнев, стремление к получению наслаждений любой ценой... Мы должны... – тут он слегка коснулся рукой своей груди, которую украшал бесценный амулет, созданный из материалов, неведомых никому в этом мире, – мы должны предпринять последнюю попытку сохранить разум на этой планете.

Мы стояли, потупившись, не смея поднять на него глаз, не зная, что ответить. Тягучая звенящая тишина повисла в воздухе. И лишь осторожно, украдкой взглянув в его глаза, можно было заметить в них отблеск надежды – она окрылила наши сердца.

– Их алчность, их стремление воровать, – продолжал наш Учитель, – одно из самых страшных, разрушительных свойств, которое только может быть присуще разумным существам. Оно приводит к необратимым изменениям личности и, в конце концов, к полной деградации.

– Подойди ко мне! – призвал Верховный жрец одного из нас.

Анубий почтительно приблизился к нему и замер рядом, склонив голову. Верховный жрец отломил небольшой элемент от своего амулета и протянул ему:

– Возьми это. Это наш шанс. Мы дали людям разум, но он оказался слабее их низменных инстинктов. Мы дадим им

крупницу нашей Высшей Мудрости. Ты пойдешь к ним, к вороватым существам, так и не сумевшим победить в себе звериные инстинкты, и отдашь им этот элемент. Найди среди них того, кто будет способен принять это, самого мудрого и восприимчивого. Объясни ему, что для постижения всей истины, которая ведома нам, посвященным, они должны будут найти и соединить воедино все подобные части амулета. Только тогда они смогут сравняться с нами и не превратиться в то, из чего они вышли – в стаю бессловесных, диких животных, способных только к простейшим действиям, необходимым для выживания вида.

Анубий молча поклонился и принял великий дар. Осознавая тяжесть ответственности, возложенной на него, мы смотрели на нашего брата с сочувствием и надеждой.

Неожиданно перед Великим жрецом предстали два человека в набедренных повязках из касты непосвященных. Один из них вел другого, подталкивая в спину. Я почувствовал волны гнева и ненависти, исходившие от человека, которого вели. Во взгляде, которым он окидывал нас из-под лохматых нависших бровей, не было ничего разумного. Это был, скорее, взгляд дикого зверя, у которого отняли добычу. За этими двумя следовала толпа таких же дикарей, и гул их голосов, приближаясь, становился все более и более угрожающим.

– Зачем ты привел его ко мне? – недоуменно спросил жрец конвоира.

В ответ тот еще раз толкнул в спину обвиняемого и ска-

зал:

— Этот мерзавец пытался присвоить все, что принадлежало его семье после смерти отца. Он хотел владеть безраздельно отцовским наделом и рабами. И поэтому он убил своего старшего брата.

— Это ложь! — озираясь, как загнанный зверь, с ненавистью прокричал обвиняемый. — Я никого не убивал! Вы все лжете!

— А руки! Покажи свои руки! — конвоир ткнул его под локоть. — Они до сих пор в крови брата!

— Это не кровь брата моего! — злобно отвечал обвиняемый. — Я приносил агнца в жертву богам! Это его кровь!

— А люди, видевшие тебя возле дома брата незадолго до того, как оттуда донеслись скорбные крики его жены?! Что они скажут?

— Говорите! — приказал Верховный жрец стоявшей в отдалении толпе.

Из толпы закричали:

— Да, мы видели его! Это он убил своего брата! Казните его! Убийца! Он заслуживает смерти!

Крики становились все громче и настойчивей, и вот уже толпа в едином порыве скандировала:

— Убить! Убить! — и, не прекращая скандировать, приближалась, обступая конвоира и обвиняемого плотным кольцом.

Лицо убийцы залила мертвенная бледность, ненависть и

злоба отступили, а вместо них на нем отразилось одно всепоглощающее чувство – ужас перед лицом неминуемой смерти от рук разъяренной толпы.

Анубий отделился от нас, приблизился к беснующейся толпе и, секунду помедлив, вложил кусочек амулета в руки их вожака. Ничего не понимая, человек взял камень из рук Анубия, и пелена гнева спала с его глаз. Он сделал знак толпе, и она отхлынула, как волна от берега, от трепещущего убийцы и его конвоира. Лицо вожака, секунду назад раскаленное от гнева и жажды немедленной расправы, обрело спокойное и просветленное выражение. Будто очнувшись от страшного наваждения, он оглядел толпу, и та затихла под его пристальным взглядом.

– А знаете ли вы, – обратился он к стоящим вокруг него подданным, – что каждый умерший должен пройти три суда? Сперва он держит ответ перед богом Солнца – Ра, который везет его на своей ладье по водам Дуата. Пройдя этот суд, он попадает в зал Правды, где его ожидают сорок два бога, каждому из которых он должен дать полный отчет о своей жизни. И только пройдя через зал Правды, открыв богам свою душу и оценив с их помощью всю свою жизнь, он предстает перед верховным богом Осирисом, судьей души усопших. Осирис кладет сердце усопшего на Великие Весы, определяющие меру греховности и совести в нем. И, если пороков в сердце больше, умерший изгоняется и обрекается на вечное скитание. Но если совести удалось победить порок в

сердце усопшего, то он преодолевает смерть и возрождается в одной из ипостасей Осириса, уходя вместе с ним в царство вечного блаженства, в долину камышей. Даже убийца самого Осириса – его брат Сетх, был отправлен вечно скитаться по пескам пустыни, но Осирис ведь не уничтожил его! Если боги, которым мы поклоняемся, так милосердны не только к простым смертным, но даже к своим врагам, то как можем мы, не наделенные высшей мудростью, судить подобных нам! Итак, – воздъ сурово оглядел толпу и выдержал паузу, – если после смерти человек может слиться с самим Осирисом, то, осуждая обвиняемого на смерть, мы по незнанию можем осудить заключенное в нем божество! Мы, ограниченные земные существа, должны понять, что не имеем права карать смертью кого бы то ни было, ибо нет в наших душах истинного знания, а в наших руках – Великих Весов Осириса!

Толпа слушала своего воздъ, затаив дыхание, и казалось, что люди начинали понимать смысл его слов.

– Я принял решение, – обратился воздъ к уличенному в убийстве и воровстве. – Мы не будем осуждать тебя на смерть, ибо не имеем права осуждать бога Осириса. За совершенные тобой злодеяния ты приговариваешься к пожизненным работам во славу Осириса. До конца своих дней будешь ты воздвигать храмы в его честь на берегах Нила, и возносить ему благодарность за жизнь, которую он тебе подарил. Ты будешь строить их до тех пор, пока хватит

твоих сил. А если твой дар будет неугоден Осирису, или силы твои иссякнут, ты предстанешь перед его Высшим судом, и он рассудит, чего ты заслуживаешь, без нашей помощи.

Выслушав решение вождя, люди стали расходиться. В глазах их уже не было звериной жажды крови. Вполголоса обсуждая услышанное, они кивали и соглашались с мудрым решением.

Вдруг за их спинами раздался отчаянный вопль осужденного:

– Нет! Лучшие убейте меня!

Вождь обернулся и холодно посмотрел на него:

– Это невозможно. Уведите его, – приказал он конвоиру.

– Это невозможно, ибо противоречит истине, – завершил его фразу Верховный жрец.

Убийцу и вора увели, несмотря на то, что он дико кричал и упирался.

Мы стояли неподвижно и наблюдали за происходящим.

– Вот, – впервые за последнее время мы увидели легкую улыбку, коснувшуюся губ Учителя, – как говорится, все начиналось с древних египтян, не правда ли? И первое зерно познания теперь у них в руках.

Это первые из людей, которым мы передали зерно познания. Теперь лучшие и мудрейшие из них смогут общаться с нами. Они станут промежуточной цивилизацией между нами, и теми, кто придет после нас. Мы положили начало великой египетской цивилизации еще до Всемирного потопа.

Теперь, после гибели Атлантиды, мы перебрались сюда – и, слава Разуму! – нашли здесь уже не человекообразных обезьян, как в других местах на этой планете, а людей, способных к восприятию драгоценных знаний. Ныне мы с помощью амулета «Тайна вселенной» дали им знание в виде религии, которая стоит выше власти их вождей, поскольку является всеобъемлющей, универсальной и должна стать для них практическим руководством в жизни.

Я встал, чтобы попрощаться.

– Кстати, Иван Петрович, сколько я вам буду должен за труд?

Профессор пожал плечами:

– А зачем мне ваши деньги? Разве смогут они вернуть мне молодость и счастье? Деньги не сбавят и десятка лет, не сотрут из памяти тяжелые воспоминания, не вернут силы обездвиженным ногам. Деньги лишь мерило материальных благ, придуманное людьми и используемое государствами. Они – не ценность, данная Богом. Нет, молодой человек, денег мне не нужно. А уж если вам от души хочется сделать мне приятное, то принесите чего-нибудь вкусненького, лучше всего из домашней кухни. Побалуйте старика. Мне грех жаловаться – ухаживают за мной отменно, но – увы! – совершенно бездарно готовят. А мне на старости лет из всех наслаждений человеческих доступно лишь наслаждение вкусом хороших блюд.

Мы простились, как старые друзья. Несмотря на возникшие между нами вспышки гнева и раздражения, преодолев их, мы, словно пройдя тернистый путь, сблизились друг с другом. Так, по крайней мере, казалось мне. Я крепко пожал дрожащую морщинистую руку старика, от всей души желая ему здоровья.

На лестнице я ненадолго замешкался, поправляя шарф, и стал невольным свидетелем той же церемонии тщательно запираania двери – с другой ее стороны раздавалась целая симфония всевозможных скрипов, щелчков и позвякиваний.

Финалом ее стал металлический лязг большого железного крюка. Этот крюк – был закреплен на внутренней стороне дверной коробки и являлся, очевидно, завершением всего «замочного ритуала».

Глава шестая. Григорий.

После долгих колебаний я все же решил посетить таинственного Ивана Петровича Логинова, так настойчиво приглашавшего меня к себе. Страх страхом, но надежда хоть что-то прояснить в первопричине тех грозных событий, которые преследовали меня, взяла верх.

Я позвонил старику и предупредил о своем приходе.

– Наконец-то! – отозвался он. – Вам следовало бы поторопиться. Думаю, вам это важнее, чем мне.

Перед уходом я на всякий случай включил автоответчик. Постоял, отчего-то не сразу решившись выйти из квартиры. Что-то меня удерживало, словно я забыл нечто очень важное.

«Надо бы взять с собой отцовский подарочек, – неожиданно для себя решил я. – Что ни говори, а вчера (неужели это было только вчера?) он спас мне жизнь. Случайно или не случайно – это уже другой вопрос. Но спас! Места он много не займет, положу в карман, да и дело с концом».

Как ни странно, но едва осколок оказался у меня в кармане, я почувствовал себя увереннее, и решительно вышел за порог.

Ехать предстояло недалеко, с Петроградской стороны – на Васильевский остров или говоря попросту, по-студенчески – на Ваську. Но, как это часто у нас бывает, недалеко – во-

все не означает недолго. Тем более, что как я уже отмечал, у меня всегда были совершенно особые, далеко не лучшие отношения с общественным транспортом.

Я даже не могу сказать, сколько времени мне пришлось проторчать на остановке. Трамваи, как всегда, предпочитали ехать в сторону, противоположную той, которая была нужна мне.

По городу давно ходят упорные слухи о том, что трамваи якобы вовсе собираются убрать с городских улиц. Дескать, старые вагоны изношены, ремонт подвижного состава требует больших средств, да еще и рельсы практически повсеместно находятся в аварийном состоянии, так что дешевле для города – раз и навсегда избавиться от трамваев, увеличив количество автобусов и маршрутных такси. Не знаю... Может быть, с точки зрения управления городским хозяйством это и верно, но мне кажется, что без трамваев город лишится части своего неповторимого очарования.

Увы, люди часто считают, что, уничтожив старое, они обретают нечто новое – рациональность формы или строгую функциональную красоту, например. А вот моя мама рассказывала мне, как в шестидесятые годы, на которые пришелся пик переездов советских граждан из коммунальных квартир в «комфортабельные хрущевки», она буквально спасала с помоек старинную мебель, которую новоселы меняли на модные, но безликие изделия из ДСП и пластмассы. Новое не должно перечеркивать старое. Потеря одного не может

компенсироваться приобретением другого. Теряя, мы лишь теряем, и только, и ничего больше. Это мое, так сказать, сугубо личное убеждение.

Вот так и старый добрый трамвай. Может быть, он уже не отвечает ритмам современной жизни, может, устарел, но как, скажите, представить без него Питер? Словно фантастический красный лайнер, не спеша, с чувством собственного достоинства бороздит он волны беспокойного городского моря, подбирая на островках-остановках своих пассажиров.

...Неторопливо, обгоняя разве что пешеходов, трясся мой трамвай по рельсам, помнившим, наверное, еще блокаду Ленинграда. Усевшись на свободное место у окна, я принялся бездумно разглядывать дома, витрины, прохожих. Я всегда нахожу некое неповторимое удовольствие в таких вот путешествиях, когда не нужно никуда торопиться, не нужно нервничать и, сломя голову мчаться, боясь опоздать, на важную встречу, а можно спокойно, с чувством, всмотреться, наконец, в лицо старого города из окна такого же старого, но очень уютного трамвая.

Внезапно мой взгляд, до этого беспристрастно скользивший по фигурам прохожих, задержался на одном молодом человеке, а если быть точным, на его походке. Он шел так, словно был небрежно составлен, склеен из отдельных, не сопоставимых друг с другом, частей. Особенно удивило меня то, как придерживал он волосы. Словно дама, которая боится, что у нее улетит шляпка.

«Может, он лысый, и придерживает таким образом парик?» – предположил я и, повинувшись безотчетному порыву любопытства, прильнул к стеклу, чтобы получше разглядеть чудаковатого парня. Он повернулся и неожиданно взглянул прямо на меня. Я дернулся в своем кресле так, будто меня ударило током: парень был практически моей копией!

Трамвай не прекращал свое движение, и странный прохожий давно скрылся из вида, но неприятное чувство, охватившее меня при взгляде на его лицо, не проходило.

Я пытался найти логическое объяснение этому поразившему меня почти буквальному сходству: в конце концов, на свете есть очень много похожих друг на друга людей, практически двойников, не состоящих при этом в кровном родстве. Ну, а уж такое нелепое предположение, что у кого-то из моих родителей мог быть внебрачный сын, который и возник только что перед моим взором, и вовсе вызвало у меня произвольную улыбку.

Но что же тогда так тревожило меня, не позволяя забыть лица незнакомца?

Мимика! Ее просто не было. То есть, встретившись взглядом с этим парнем, я увидел одно зафиксированное выражение, будто на фотографии или маске. И маска эта была похожа одновременно и на меня, и на моего деда, чей фотоснимок я так недавно рассматривал...

Мысли о странном незнакомце, так поразившем мое воображение, не оставляли меня вплоть до того момента, ко-

гда трамвай, наконец, добрался до нужной мне остановки. Я вышел из вагона, пересек Средний проспект, и долго еще стоял, озираясь. Почему-то мне чудилось, что тот странный парень вполне может оказаться где-то поблизости, и я оглядывался, выискивая среди снующих вокруг меня прохожих его нелепую, но отчего-то так напугавшую меня фигуру. Наконец, я взял себя в руки, вынул из бумажника записку с продиктованным мне адресом и, сверившись с нумерацией домов, отправился вдоль Седьмой линии по направлению к Большому проспекту. День был на редкость солнечным и ясным, и мои страхи и опасения постепенно развеялись в его лучах. Остановившись перед домом с нужным мне номером, я вошел под арку и оказался в старом питерском дворе. Да... Как говорится, блеск и нищета... Вылизанные фасады центральных проспектов города, вымощенные плиткой тротуары улиц, сияющие витрины бутиков и ресторанов – все это кажется сном, миражом, как только попадаешь в такой вот двор. Здесь ничего не изменилось: все те же ямы и колдобины, растрескавшийся, провалившийся асфальт, помойка, вокруг которой тонким слоем по всему двору раскидан мусор, грязные, десятилетиями не мытые стены, и, конечно, непередаваемое амбре, состоящее из запаха аммиака, пищевых отходов и прочей дряни... После солнечной улицы и нарядной пешеходной зоны входить в темный, вонючий подъезд совершенно не хотелось. Но, к сожалению, такова печальная реальность Петербурга – наши подъезды омерзительны по-

что повсеместно, особенно в таких вот старых домах. Невская сырость, кошачьи радости, грязные ведра, крысы, ставшие полновластными хозяевами помоек и подвалов, — все это издает сногшибательный зловонный запах, спрессованный годами, накрепко въевшийся в стены домов.

Подъезд, в который я вошел, конечно, не был исключением из этого прискорбного правила. Сломанный, как обычно, лифт, полустоптанные, заплеванные ступени. Преодолев несколько пролетов лестницы, я оказался перед большой коричневой дверью. Помимо привычной кнопки звонка, к ней была приспособлена ручка от колокольчика, свисавшая на древнем засаленном шнурке. Пока я решал, каким средством связи с обитателем квартиры мне следует воспользоваться, легкий сквозняк донес до меня запах лекарств — верный спутник старческого жилья. Оказалось, что дверь в квартиру слегка приоткрыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.